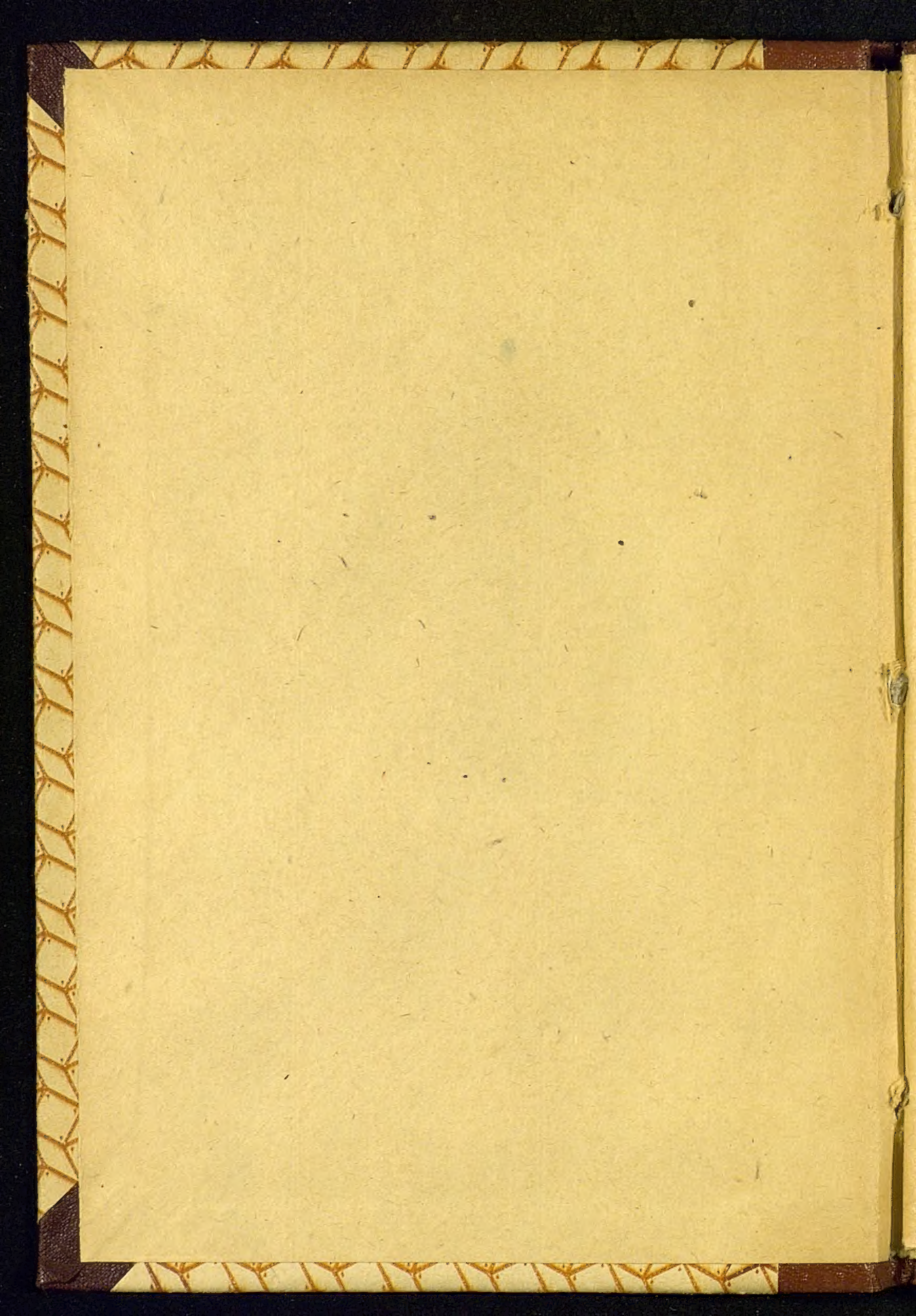
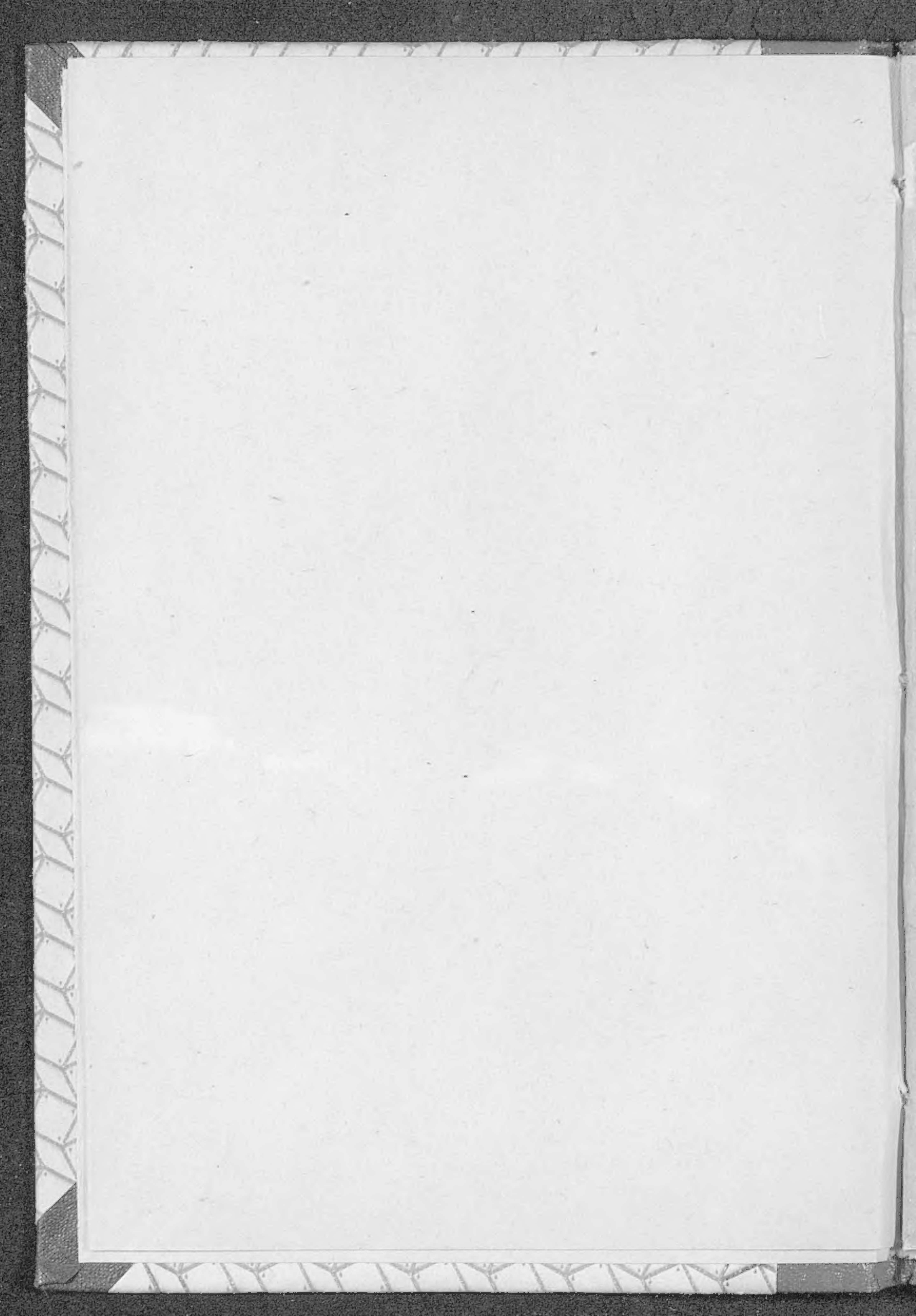

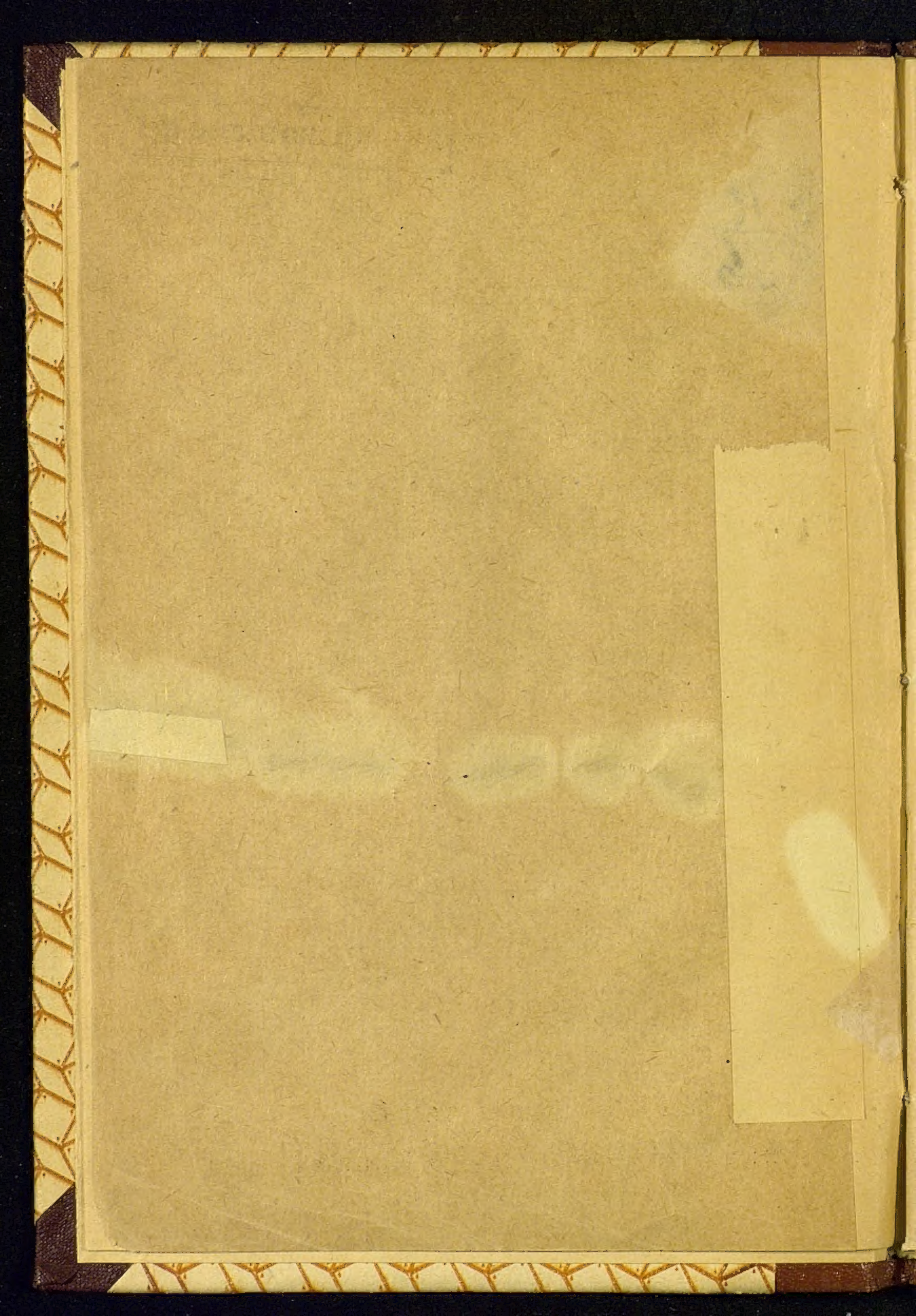

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

ЛЕНИН
и
МОЛОДЕЖЬ

СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1933

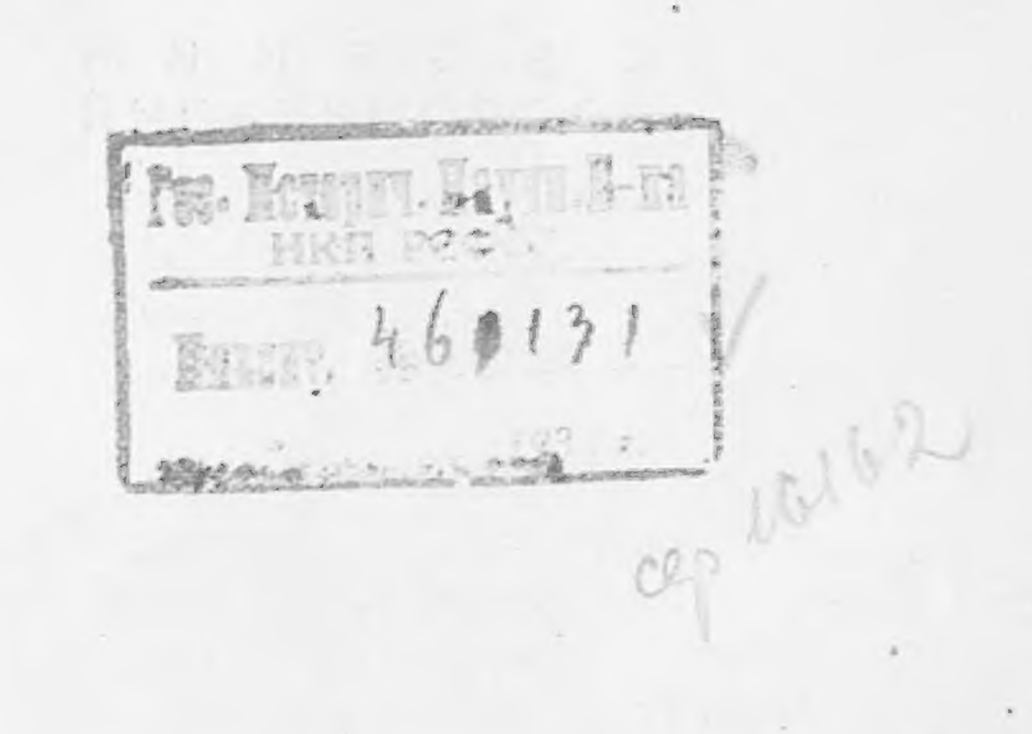
ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН
и
МОЛОДЕЖЬ

СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. 46 131
ср 10162

Предисловие

Вождь и организатор нашей партии—Владимир Ильич Ленин очень большое внимание уделял революционному движению молодежи как резерва и ближайшего помощника партии. Собранные в настоящем сборнике статьи и воспоминания свидетельствуют как раз об этом глубоком и неослабном внимании Владимира Ильича к движению молодежи, в особенности к комсомолу.

Уже на II съезде партии в 1903 г. по предложению Ленина была принята резолюция «об отношении к учащейся молодежи», в которой предлагалось партийным организациям руководить ее революционными выступлениями.

В феврале 1905 года Ленин писал С. И. Гусеву: «Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволит себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь» (Соч., т. VII, стр. 102).

Особенно близкое участие Ленин принимал в революционном движении молодежи во время империалистической войны. Позиция Интернационала Молодежи и его изданий резко изменилась благодаря влиянию большевиков и в особенности Ленина. Ленин выступал много раз на собраниях швейцарской организации молодежи, писал статьи в журнал «Интернационал Молодежи», способствовал победе революционного крыла в юношеском интернационале над пацифистскими тенденциями. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях В. Мюнценберг.

Перед Октябрем, набрасывая гениальный план вооруженного восстания, Ленин в своих знаменитых «Советах постороннего» писал 21 октября 1917 года: «Выделите *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь,* а равно и лучших матросов) в небольшие отряды для

занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важнейших операциях» (Соч., т. XXI, стр. 320). Предлагая в самый решающий момент бросить отряды рабочей молодежи на самые ответственные пункты восстания, для занятия «центров» врага, Ленин писал, что эти отряды должны драться под лозунгом: «*Погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*» (подчеркнуто Лениным). Этот документ показывает—какое большое значение придавал Владимир Ильич революционной молодежи.

Со времени организации комсомола Ленин следит за развитием и ростом союза молодежи, руководит его работой и борьбой, оказывает ему большую поддержку. Делегации I съезда комсомола, сообщившей, что союз будет называться коммунистическим, Ленин говорил: «Дело не в названии». Надо не только называться коммунистическим союзом, надо работать действительно коммунистически, быть беззаветно преданным пролетарской революции. Прошедшие с этого времени 15 лет богатой истории комсомола показали, что это свое название комсомол оправдал. В годы гражданской войны, в годы восстановления хозяйства и в период напряженной борьбы за построение социализма ленинский комсомол стоял всегда на передовых позициях.

В своей речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 года Ленин изложил со всей свойственной ему простотой программу работы союза молодежи на целые десятилетия, на весь период построения коммунизма. Задачи, о которых говорил Ленин, стоят и будут долго стоять перед комсомолом. Ленин учил молодежь понимать, что классовая борьба в период диктатуры пролетариата не исчезает, а продолжается в новых формах, до полного уничтожения классовых различий, что в этот период особенно необходимо усиление классовой бдительности. «Задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, и в завершении ее и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это—классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы раздробленная масса темного крестьянства соединилась в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача—подчинить все интересы этой борьбе» (стр. 18 настоящего сборника).

Весь период диктатуры пролетариата и теперь, когда ленинская партия ведет решительное наступление на остатки

эксплуататорских классов, когда решен вопрос «кто кого?» в пользу социализма—комсомол стоит на передовых позициях классовой борьбы. 5-миллионная армия молодых строителей социализма активно борется за этот ленинский завет.

В своей речи Ленин изложил молодым коммунистам программу нашей партии и те особые задачи, которые падают на плечи комсомола в строительстве коммунизма. Ленин считал, что «Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин» (стр. 23 настоящего сборника).

Эту роль активного борца, авангарда рабоче-крестьянской молодежи и выполняет комсомол. Ленинские идеи социалистического соревнования и ударничества комсомол сумел внедрить в огромные массы молодежи. Воспитание молодого поколения трудящихся в духе коммунизма в бригадах, группах, на фабриках и заводах, на колхозных и совхозных полях; тысячи молодежных бригад, бригад дип (догнать и перегнать), легкая кавалерия, комсомольские цехи, комсомольские домны, комсомольские шахты, комсомольские линии, комсомольские магазины, комсомольские столовые, выполняющие и перевыполняющие план, дающие стране тысячи станков и машин, тысячи тонн металла, угля и хлеба, развертывающийся социалистический экзамен по овладению техникой,—вот только краткий список этой молодежной инициативы, которую отдает комсомол социалистической стройке.

В работе по восстановлению и реконструкции промышленности и социалистической переделке сельского хозяйства, в борьбе за укрепление мощи Красной армии, в напряженной борьбе за машины, станки, уголь и металл, в борьбе за каждый метр проложенной шахты, за каждый новый дом, за гектар хорошо обработанной земли, за тонну убранного и сохраненного хлеба—в социалистическом соревновании и ударничестве вырабатывается та *сознательная дисциплина*, о которой говорил Ленин комсомольцам.

Много больших и малых дел в нашей стране сооружено при ближайшем участии комсомола. Комсомол на деле,—борьбой и работой,—оправдал свое звание *Ленинского* союза молодежи. Только руководству коммунистической партии и ее величайшего вождя тов. Сталина обязан комсомол теми гигантскими достижениями, которые он имеет за свою 15-летнюю историю.

«Ленинский комсомол,—писал тов. Сталин в приветствии

к 10-летию комсомола,—был и остается молодым резервом нашей революции. Десятки и сотни тысяч лучших представителей молодого рабоче-крестьянского поколения воспитались в рядах комсомола, получили революционный закал и влились в нашу партию, в наши советы, в наши профсоюзы, в нашу Красную армию, в наш Красный флот, в нашу кооперацию, в наши культурные организации на смену старой гвардии большевиков. Комсомолу удавалась эта трудная задача потому, что он вел свою работу под руководством партии, он умел сочетать в своей деятельности учебу вообще, ленинскую учебу в особенности, с повседневной практической работой, он умел воспитывать молодое поколение рабочих и работниц, крестьян и крестьянок в духе интернационализма, он умел найти общий язык между старыми и молодыми ленинцами, между старой и молодой гвардией, он умел подчинить всю свою работу интересам диктатуры пролетариата и победы социалистического строительства» (Сборник «О Ленине. О комсомоле», изд. «Молодая Гвардия», 1933 г., стр. 303). Самые почетные награды —Орден красного знамени и Орден трудового красного знамени— украшают грудь 5-миллионного ВЛКСМ.

Большую и ответственную задачу углубленной учебы, овладения наукой и техникой, овладения культурой поставил Ленин перед молодыми коммунистами. Лучший ученик Ленина, вождь партии и мирового пролетариата тов. Сталин так говорил о ней на VIII съезде ВЛКСМ: *«Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом*—такова теперь задача.

Поход революционной молодежи в науку—вот что нам нужно теперь, товарищи» (*там же*, стр. 302). Над этой серьезной и трудной задачей работает теперь молодая ленинская гвардия.

Сборник подготовлен к печати *И. А. Гачичевым* под редакцией *М. С. Волина.*

21 октября 1933 г.

В. И. Ленин (1920 г.)

В. ЛЕНИН

Задачи союзов молодежи

Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.[1]

Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и, в связи с этим,—каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы—чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые

---

[1] Соч., т. XXX, стр. 403—417.

будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должны исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом.

Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, т.-е. коммунистического общества.

Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно, или когда она понимается слишком однобоко.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму—это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно.

Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это—полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы во-время эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?

Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии.

В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию.

Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но все-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм.

Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального, социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма.

И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса—вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука.

Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано,

он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

Все эти пути и дорожки подводили, и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре[1] так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвасту-

---

[1] В первоначальном тексте написано, повидимому ошибочно: «к пролетарской диктатуре». *Ред.*

ном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека.

Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист, и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить ее, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей?

Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое коммунистическое общество.

Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы

должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче научиться коммунизму.

Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная.

Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение.

Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве.

Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество; надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение.

Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может его создать, и если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием.

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуа-

зии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, уменье сплотить свои силы.

Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе каждый коммунист. Но этого недостаточно.

Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груду развалин, как и следовало его превратить в груду развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.

Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.

Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не построите.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь остановлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали.

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача союза молодежи -поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто

представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это—способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли создать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это—царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю—мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках,—мы имеем классы капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя—для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов.

Но уничтожить классы несравненно труднее; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т.-е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше он оставляет себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «Чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул на свою сторону тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, и в завершении ее и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это—классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы раздробленная масса темного крестьянства соединилась в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача—подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность—это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность—это та нравственность, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допускать, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались за счет остальных, для этого нужно, чтобы все трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество.

В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие—либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом—человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим,

я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем.

Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание.

Когда люди видят, как их отцы и матери живут под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвуют в тех муках, которые обрушиваются на тех, кто начинает борьбу против эксплуататоров, когда они видят, каких жертв стоит продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты,—тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным.

А наша школа должна давать молодежи основы знания, давать умение вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров.

Союз коммунистической молодежи только тогда оправдает свое звание, что он есть союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывать будет с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что, пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск; что только если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы.

Таким образом, быть коммунистом—это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

Чтобы сделать это всем более ясным, я приведу вам пример. Мы называем себя коммунистами.

Что такое коммунист?

Коммунист—слово латинское. Коммунист от слова общий. Коммунистическое общество значит—все общее: земля, фабрики, общий труд,—вот что такое коммунизм.

Может ли труд быть общим, если каждый ведет свое хозяйство на отдельном участке? Сразу общего труда не создашь. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать, это создается в ходе борьбы. Тут не старая книжка—книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт.

Когда Колчак и Деникин шли из Сибири и с юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился, так как большевики берут хлеб по твердой цене. А когда крестьяне испытали в Сибири и на Украине власть Колчака и Деникина, они узнали, что крестьянину выбора нет:

либо иди к капиталисту и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим, который, правда, молочные реки в кисельных берегах не обещает, который требует от тебя железной дисциплины и твердости в тяжелой борьбе, но который выводит тебя из рабства у капиталистов и помещиков.

Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма. Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Союз коммунистической молодежи.

Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы и старой науки. Я постараюсь ответить и на вопрос, как этому нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров.

На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно, как это воспитание коммунизма должно итти.

Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы была брошена известная часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось бы за это дело.

Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело.

Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной, безграмотной страны в грамотную нельзя; но если за это дело возьмется союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400 000 юношей и девушек, имеет право называться Союзом коммунистической молодежи. Задача союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности.

Быть членами союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом

состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Для примера возьмите работу на подгородных огородах. Это одна из задач Союза коммунистической молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по-старому.

И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле Союз коммунистической молодежи должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка союза должны считать это дело своим делом.

Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Если Союз коммунистической молодежи во всех областях не сумеет построить так свою работу, это значит, что он сбивается на старый буржуазный путь.

Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплуататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород, или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д.

Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Союз коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и тру-

диться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

Задача Союза коммунистической молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле,—беру маленький пример—как обеспечение чистоты или распределение пищи.

Как это делалось в капиталистическом старом обществе? Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном. Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты или распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом.

Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я—часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок.

Надо, чтобы Союз коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет в сознательном и дисциплинированном труде.

Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены.

Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет

для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники.

И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд,—по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными, сознательными трудящимися, только в этом длительном процессе Союз коммунистической молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

П. СМОРОДИН

Ленин и комсомол[1]

— Товарищи, сегодня мы смотрим на пройденный путь и на ту работу, которую вел наш вождь Владимир Ильич, не упуская из виду рабочую молодежь и обращаясь к ней, призывая ее на борьбу. Когда нужно было бросить силы рабочих, матросов и рабочую молодежь в Петроград в Октябрьскую революцию, Ильич тогда постоянно писал: возьмите рабочую молодежь, поставьте ее на опасные участки революционного фронта, и она сумеет отстоять, защитить и завоевать дело рабочего класса.

Мы в своей работе не раз сталкивались с тов. Лениным, не раз получали от него советы, не раз учил он нас, как нужно ставить воспитательную работу среди рабоче-крестьянской молодежи. Сегодня, когда нет с нами нашего учителя и вождя,—мы, рабоче-крестьянская молодежь, организованная в Российский Коммунистический Союз Молодежи, скорбим о погибшем вожде.

Мы, молодежь, не успели еще вкусить того опыта и тех мыслей, и того навыка, который Ильич передавал старой гвардии. Мы выступили под руководством Ильича только с 1917 года. Как массовая организация, мы к борьбе за рабочее дело, к коммунистическому воспитанию приблизились сравнительно недавно. Но мы готовы пожертвовать своей жизнью за то великое дело, к которому вел рабочий класс Владимир Ильич.

Пленум нашего ЦК постановил переименовать наш союз в Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Постановив переименовать наш Союз, дать ему имя нашего вождя, мы должны помнить, что когда у него была делегация от нашего первого Всероссийского съезда, он нам говорил: «Не в назва-

---

[1] Речь на II съезде Советов СССР 26 января 1924 г. «Известия» № 22, 27 января 1924 г.

В. И. Ленин на параде Всевобуча (1919 г.)

нии дело, не в словах, а дело в том, что вы сделаете и как вы будете делать». И после, в 1920 году, на III-м Всероссийском съезде нашего союза, Ильич пришел к нам на съезд и читал доклад о воспитании молодежи. Он нам сказал, что нужно делать, как нужно это дело претворять в жизнь.

Он нас, комсомольцев, учил: коммунистом нельзя быть по книжке; коммунистом может быть только тот, кто все свое время посвятил общему делу—делу рабочего класса. Коммунистом может быть тот, кто теорию связывает с практикой. Коммунистом может быть тот, кто в повседневной, кропотливой работе несет общественные обязанности и строит общее государство. Вот слова Владимира Ильича.

Мы думаем, что теперь, когда нет с нами вождя, осталась его наследница— его партия, Российская Коммунистическая партия, которую он создал. Мы думаем, что мы сумеем на деле доказать, что из наших рядов под руководством закаленной, старой большевистской гвардии—старой, мудрой, закаленной в победах и боях Российской Коммунистической партии, мы сумеем в нашей организации выковать, подготовить и закалить десятки и сотни тысяч рабоче-крестьянской молодежи, ленинцев, которые станут на путь борьбы, вольются в коммунистическую партию, вместе с ней пойдут к грядущим битвам и в этих битвах будут на первых постах защищать великое дело, которое делал и обязывал делать Владимир Ильич.

В. МЮНЦЕНБЕРГ

Ленин и Интернационал молодежи[1]

Первая победоносная пролетарская революция и создание плана организации первого в мире социалистического хозяйства вписали имя *Ленина* неизгладимыми буквами в историю. На всем земном шаре нет другого такого популярного имени; Ленин живет в сердцах миллионов рабочих и угнетенных всех стран.

Мы, молодежь, мало были знакомы с историей российского рабочего движения и фракционной борьбы внутри партии. До войны мы только слышали упоминание имени Ленина в связи с международным конгрессом в Копенгагене и Базеле. В первый раз мы занялись более или менее вплотную Лениным и его политической программой только осенью 1915 г., когда вышел в Цюрихе немецкий перевод его книги[2]. Это была первая книга, ясно и остро, с подлинно-марксистской точки зрения освещавшая сущность мировой войны и ставший благодаря ей очевидным и чувствительным для всех рабочих кризис социалистического рабочего движения. Книга Ленина явилась для нас откровением и показала нам недостаточность и ошибки пацифистской и социал-религиозной идеологии, дававшей, как нам казалось до того, пригодное оружие для борьбы против войны.

Мы стали понимать, что единственное средство против войны—непримиримая революция, классовая борьба.

Мы, конечно, не превратились сразу из идеалистических социалистических мечтателей в теоретически выдержанных большевистских революционеров. Но мы учились, наше внимание благодаря Ленину было направлено на самое главное, и мы стали отныне критически относиться к нашим прежним

[1] Из книги В. Мюнценберга «С Либкнехтом и Лениным», изд. «Молодая Гвардия», 1930 г.

[2] Речь идет, очевидно, о брошюре «Социализм и война» (см. Соч., т. XVIII, стр. 185—223). *Ред.*

статьям и речам. Нам понадобился не один месяц для того, чтобы понять и правильно усвоить выставленную Лениным программу.

На Бернской конференции Социалистического Интернационала молодежи 1915 г. нас еще испугала большевистская резолюция: «Против всякой империалистической войны! За революционную пропаганду в армии! За вооружение рабочих!» Политически мы были за эти требования, но из «тактических соображений» не присоединились к ним. В дни, когда весь мир был вооружен до зубов, мы считали безумием требовать еще больше оружия. Нам казалось, что наше требование «разоружения» скорее сможет поднять уставших от войны солдат и массы.

Ленин правильно понял, что наша позиция определялась не принципиальным оппортунизмом, а была только результатом недостаточной теоретической подготовки и отсутствия политического опыта. Поэтому он не отозвал с Бернской конференции представителей партии, обещал новоорганизованному Интернационалу молодежи полную поддержку партии большевиков и старался путем длительных дискуссий и личных бесед с нами избавить нас от политических ошибок и заблуждений.

Под влиянием ленинских идей мы зимою 1915 г. порвали со всеми пацифистскими и центристскими группами и в теснейшем контакте с «левыми» в партии старались развернуть массовые выступления и организовать массовую работу.

Но все быстрее совершавшийся после Бернской конференции отход молодежи от центристов не мог остаться незамеченным. Чем крепче становилась наша связь с Лениным, тем настойчивее центристские лидеры «предостерегали» нас от этого «сектанта и доктринера», «безнадежно помешавшегося на своих азиатских идеях». Каждый раз, когда мы встречались с центристскими лидерами, они твердили нам: «Всякое влияние Ленина на юношеское движение приведет его к развалу и гибели».

Однако, ничто не могло помешать нашему политическому сближению с группой Ленина. Наконец, после многолетних исканий мы нашли тех людей, которые могли нам указать правильный путь к плодотворной революционной работе.

Задолго до войны, в ее начале и во время войны мы всегда, не колеблясь, были против нее. Мы с негодованием относились к предательству социал-демократических лидеров в момент начала войны. Мы были юными революционерами,

знавшими только *одну* цель—произвести революцию и изменить мир. Но в своем пламенном стремлении совершить это мы иногда хватались за негодные средства и сбивались с пути. После того как мы в 1915 г. узнали Ленина лично, мы поняли, что он подлинный и великий вождь, который сможет вывести нас на дорогу полезной революционной деятельности, и это привязало нас к нему.

В беседах с Лениным мы поняли все содержание понятия «война». Мы уяснили себе сущность империалистической войны и научились анализировать и расценивать ее не по случайным внешним признакам, а по ее принципиальному содержанию. В швейцарской социал-демократии в продолжение многих лет отношение партии к защите отечества было главным спорным вопросом. Но социал-патриоты, центристы и «левые» рассматривали вопрос с узко социал-демократической точки зрения и мудрствовали над разницей между наступательной и оборонительной войной. Мы же научились отделять экономико-политическое содержание войны от побочных технических вопросов. Ведь вопрос о том, например, чьи пушки первые начали стрелять—совершенно второстепенный. После ряда дискуссий, проведенных Лениным с нами, мы, прежде демонстрировавшие за «полное разоружение», поняли, что наши немецкие друзья по Интернационалу ошибались, выставив тезис: «В империалистический период могут быть только империалистические войны»[1]. Ленин доказал нам, что в настоящее время возможны еще революционные войны за национальное освобождение и что отношение международного пролетариата к последним должно быть другим, нежели к империалистическим войнам. Благодаря тому, что вопрос о войне был поставлен теперь последовательно-марксистски, мы быстро находили ответы на вопросы о том, утверждать или отклонять военные кредиты, признавать или отрицать защиту отечества в капиталистическом государстве.

Не меньшее значение имели для нас выработанные совместно с Лениным марксистские методы революционной пропаганды против войны: не «разоружение», а вооружение пролетариата и разоружение буржуазии; не вообще индивидуальный отказ от военный службы, а революционная агитация в армии, создание красных солдатских групп и солдатских советов; организация больших стачек, револю-

[1] Это положение выставляли Роза Люксембург, К. Радек и др. левые социал-демократы на Западе. *Ред.*

ционных массовых выступлений и доведение их до вооружённого восстания.

Благодаря Ленину мы научились с революционно-марксистской точки зрения исследовать историю социалистического рабочего движения и его Интернационала и предъявлять к социалистическому Интернационалу и Интернационалу молодежи те требования, которые были предпосылкой для выполнения их исторической миссии. В противоположность Каутскому, выставившему пресловутый тезис: «Социалистический интернационал есть орудие мирного времени, а не периода войны», Ленин учил нас, что как раз во время войны между капиталистическими странами необходимы международные солидарные действия революционных рабочих масс различных государств в целях использования созданного войной затруднительного положения буржуазии для ее окончательного свержения.

Ленин разъяснил нам структуру фальсифицированного и мелкотравчатого «марксизма» Каутского и его теоретической школы, возлагавшего все надежды на историческое развитие экономических условий и почти не признающего значения субъективных факторов в ускорении революции. В противоположность ему Ленин подчеркивал роль индивидуума и массы в историческом процессе и выдвигал на первый план марксистский тезис о том, что в рамках данных экономических условий люди делают свою историю. Это подчеркивание значения отдельного человека, группы и партии в социальной борьбе произвело на нас самое сильное впечатление и побудило нас напрячь свои силы для достижения наибольших результатов.

Наибольшая заслуга в быстром революционном развитии Социалистического интернационала молодежи после Бернской конференции принадлежит Ленину. Без его непосредственной личной товарищеской помощи, оказывавшейся им с огромным педагогическим тактом, Международное бюро молодежи в Цюрихе никогда не приносило бы такой пользы юношескому движению от 1914 до 1918 г.

В первое время нашей совместной работы с Лениным он часто критиковал нас не только в личных беседах, но и в своих статьях, печатавшихся в русских газетах. Но он всегда был одушевлен только одним желанием—помочь нам и выпрямить нашу линию. Его критика никогда не оскорбляла нас, мы никогда не чувствовали себя отвергнутыми, и, даже подвергая нас самой суровой критике, он всегда находил в нашей работе что-нибудь заслуживающее похвалы. Это

поощрение действовало крайне благотворно, и мы с еще большим рвением принимались за работу. Я вспоминаю беседу с Лениным по поводу одного требования в нашей антимилитаристской программе, вызвавшего ожесточенную дискуссию с Робертом Гриммом. Ленин сказал мне: «Гримм теоретически прав, и, тем не менее, я помогу вам. Несмотря на свои большие знания, Гримм по природе оппортунист и политикан, вы же, хотя и не отличаетесь теоретической зрелостью, все-таки внутренне здоровые бойцы и революционеры».

По такому рецепту обращался с нами «старик», как мы его называли, и не без успеха. Ленин писал в одном письме: «надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*»[1].

Таков был подход Ленина к нам—и он привлекал нас и тысячи молодежи. Коммунистическое движение молодежи имело бы ныне гораздо больше друзей, если бы почаще вспоминали эти мудрые слова.

В 1915—16 и 17 гг. вплоть до его отъезда в Россию я охотно пользовался его любезным приглашением приходить к нему, когда только захочу, и часто бывал в его скромной квартире на Неймаркте в Цюрихе. Там я познакомился также с его женой, товарищем Крупской. Иногда Ленин заходил в наше бюро молодежи, или мы шли с ним в кафе или Народный дом.

В Швейцарии Ленин, между прочим, изучал аграрные отношения в западных странах. На эту тему он иногда читал доклады. Он долго дискуссировал с Н. Герцогом и побудил его особенно заняться этим, столь важным для швейцарского рабочего движения, вопросом.

Ленин писал много статей для «Интернационала Молодежи» и давал мне ценные указания по редактированию этого журнала и «Свободной Молодежи». По его совету я провел различные улучшения в последней, а также напечатал серию статей по вопросам партийной программы.

Мы поддерживали его борьбу внутри Циммервальдской левой и были пропагандистами в социалистическом юношеском движении, в партии и на открытых собраниях его тезисов о войне. Поэтому Ленин имел все основания в 1916 г. считать нашу организацию молодежи своей группой. Мы боролись за его политическую программу и пошли бы за него в огонь и в воду. То, что он рассматривал нас как часть своей группы, видно из его прощального письма к

---

[1] Соч., т. VII, стр. 112.

швейцарским рабочим, опубликованного мною в «Интернационале Молодежи». В нем Ленин вспомнил о нашей совместной работе в следующих словах:

«Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы... шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам...

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Свободная Молодежь», которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Тесс резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу, которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники»[1].

Когда будет писаться история пролетарского юношеского движения, в разделе «Юношеское движение во время войны» особенно большое место должно быть отведено участию Ленина в развитии Интернационала молодежи. Там надо будет рассказать подробнее о совместной деятельности Ленина с нашей группой и о многочисленных дискуссиях.

* * *

Социалистический Интернационал молодежи, как известно, был основан в связи с конгрессом II-го Интернационала в Штуттгарте в 1907 году[2]. Руководство секретариатом было поручено нынешнему секретарю германской социал-демократической партии Роберту Даннебергу. Секретариат тогдашнего Социалистического Интернационала молодежи работал, как отдел II-го Интернационала. Деятельность Социалистического Интернационала молодежи ограничилась распространением информации о себе и выпуском небольших бюллетеней каждые три месяца.

После возникновения империалистской войны швейцар-

---

[1] Соч., т. XX, стр. 65, 66.
[2] Из «Internationale Presse-Korrespondenz» № 109, 27 августа 1926 г.

ские, итальянские и шведские организации молодежи взяли на себя почин созыва интернационального конгресса молодежи, который должен был занять определенную позицию по отношению к мировой войне. Тогдашний секретарь СИМ'а Даннеберг отклонил сначала созыв подобного конгресса, а впоследствии отказался участвовать на конференции, созванной в 1915 г. в Берне против его воли. Социал-патриотический центральный комитет союза германской рабочей молодежи, где председательствовал Фридрих Эберт, само собой разумеется, поддержал Даннеберга.

Бернская конференция, однако, состоялась. В ней участвовали многочисленные делегации молодежи из разных стран. Присутствовали, между прочим, и представители трех оппозиционных групп германской социалистической молодежи, а ряд германских секций прислал конференции выражения симпатии и солидарности.

На Бернской конференции впервые в истории Интернационала Молодежи приняли участие два официальных представителя РСДРП (большевиков), которые были делегированы на конференцию с собственноручными мандатами Ленина [1].

Бернская конференция порвала с прежними традициями СИМ'а. Конференция приняла решение, недвусмысленно провозгласившее политическую и организационную самостоятельность социалистических организаций молодежи, и завершила этим разрыв с партиями II Интернационала, которые, по примеру германской социал-демократии, рассматривали организации молодежи, как воспитательные учреждения для подростков, но не как политические организации.

Бернская конференция впервые в истории движения социалистической молодежи заняла самостоятельную позицию в вопросах классовой борьбы и приняла резолюцию против социал-патриотизма и социал-шовинизма II-го Интернационала. Этой перемене курса существенно содействовали представители РСДРП (большевиков), которые по директивам своего ЦК и тов. Ленина поддерживали революционные тенденции социалистических организаций молодежи. Только в одном вопросе разошлась конференция с русскими делегатами: в вопросе о тактике борьбы против войны и милитаризма. Скандинавские, швейцарские и германские делегаты стояли на центристской точке зрения разоружения и пацифизма. Против них выступили большевистские делегаты с ясной программой: против империалистической—гражданская

---

[1] Этими делегатами были тт. Инесса Арманд и Г. И. Сафаров. *Ред.*

война, вооруженное восстание, вооружение рабочих и разоружение буржуазии. Однако, их предложения собрали меньшинство голосов. Но Интернационал молодежи вскоре пересмотрел свою неправильную точку зрения. В журнале «Интернационал Молодежи», сейчас же после Бернской конференции, началась оживленная дискуссия по вопросу о разоружении и вооружении; в этой дискуссии Ленин участвовал своими известными статьями против войны и милитаризма[1]. Спустя немного месяцев тогдашний секретариат Интернационала молодежи, как и журнал «Интернационал Молодежи», изживая свои последние пацифистские тенденции, приблизился к точке зрения большевиков.

Когда была созвана Циммервальдская конференция, Интернационал молодежи принял активное участие и послал делегатов в Циммервальд и затем в Кинталь. На этих конференциях делегаты молодежи стали на точку зрения циммервальдской левой. С того времени установилась общность в работе между Лениным и другими проживавшими в Швейцарии в эмиграции большевистскими вождями, с одной стороны, и тогдашними руководителями швейцарской и интернациональной юношеских организаций, с другой стороны. Этой общности в работе обязаны мы крупным успехом на съезде швейцарской социал-демократической партии в 1916 году, где представитель молодежи[2] защищал точку зрения циммервальдской левой в вопросе о войне и милитаризме и добился принятия ряда ее пунктов.

В отдельных местах Швейцарии образовались группы циммервальдской левой, которые устраивали еженедельные собрания. В Цюрихе тоже устраивались собрания, в которых регулярно участвовали Ленин, Крупская, Бронский и Радек. Там было выковано оружие, с которым впоследствии защищали свою революционную программу германские и швейцарские рабочие в профессиональных и партийных организациях.

Еще теснее сплотился боевой союз большевистских вождей и социалистической молодежи весной 1917 года, сейчас же после Февральской революции, на одном собрании, в котором приняли участие Ленин, Зиновьев, Радек, Пауль Леви, Фриц Платтен и автор этих строк. Здесь решено было повести борьбу против соглашательских лидеров швейцарской социал-демократии. В этой борьбе молодежь была единствен-

[1] Соч., т. XIX, статьи: «О лозунге разоружения», «Военная программа пролетарской революции». *Ред.*

[2] В. Мюнценберг. *Ред.*

ной опорой циммервальдской левой и большевистской группы, как особо подчеркнул это Ленин в своем знаменитом прощальном письме к швейцарским рабочим[1].

Швейцарское и интернациональное движение социалистической молодежи уже в самом зародыше заключало силы, которые толкали его к революционной позиции. Но своим быстрым развитием в этом направлении оно обязано в первую очередь Ленину, который тогда находился в тесном контакте с молодежью и был усерднейшим сотрудником изданий «Свободная Молодежь» и «Интернационал Молодежи».

Я никогда не забуду того часа, когда в секретариате рабочего культурно-просветительного общества «Единство» собрались Ленин, Радек и Платтен, чтобы еще раз обсудить задуманную поездку в Россию через Германию. Я имел счастье встречаться лично с Лениным в Швейцарии сотни раз, а позже часто говорить с ним в Кремле, но не могу вспомнить другого такого момента, когда Ленин был бы в таком возбужденном состоянии, как в задней комнате общества «Единство». После дискуссии в продолжении долгих часов вынесли, наконец, решение: ехать во что бы то ни стало! Делегаты молодежи и немногие друзья, ликуя, провожали поезд, в котором Ленин отправился через Германию в Россию. Я не помню, кто—Ленин или Радек—сказал мне при расставании: «Или мы будем повешены через три месяца, или мы завоюем власть!»

За свою пятнадцатилетнюю работу в движении социалистической молодежи я получил неисчислимо много от известнейших вождей рабочего движения, но не могу вспомнить ни одного, который бы, как человек и политик, стоял ближе к юношеству и политически больше влиял бы на пролетарскую молодежь, чем Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

* * *

Я познакомился с Лениным в 1915 г. в Швейцарии[2].

Социалистический союз молодежи Швейцарии переживал в это время тяжелый кризис. Поведение швейцарских социал-демократов в начале войны целиком подорвало наше доверие к официальным вождям партии. К сожалению, у нас не было никакой связи с оппозиционными группами в партии, мы остались «без руля и без ветрил». На время мы

---

[1] Соч., т. XX, стр. 65—70.
[2] Из статьи в «Интернационале Молодежи» № 2—3, 1924 г.

примкнули к религиозно-социалистическому движению, во главе которого тогда стоял профессор Рагац, пользовавшийся большой известностью и за пределами Швейцарии.

Но уже зимою 1915 года у всех нас, благодаря встречам с Лениным и другими жившими в Швейцарии русскими большевиками, произошел резкий перелом, весною 1915 г. все мы сердцем и душой принадлежали большевикам. Этому не помешали настойчивые предостережения различных «умников» из II-го Интернационала, жестоко осуждавших «догматического сектанта» Ленина...

Мои тогдашние знакомые описывали Ленина, как узкого человека, интересующегося исключительно мертвыми, формальными вопросами внутренней партийной жизни и лишенного широкого кругозора. Однако, уже после первых же встреч с Владимиром Ильичем меня ожидала приятная неожиданность. За все время моего участия в рабочем движении мне ни разу не довелось встретить ни одного партийного вождя, который обладал бы такими разносторонними интересами и был бы так всесторонне осведомлен, как Ленин. С удовольствием вспоминаю я те часы, когда мы с ним обсуждали в Цюрихе «мелкие» вопросы воспитания рабочей молодежи, действительно, не очень интересные для какого-нибудь заурядного партийного чиновника.

Многому научились мы во время этих бесед с Лениным!

О. АНИКСТ

Ленин и швейцарская молодежь[1]

Влияние Владимира Ильича на швейцарское юношеское движение, его роль в движении трудно поддаются учету. Было бы большим вкладом в историю Коммунистического интернационала молодежи и Коминтерна вообще,—не говоря уже о том, какой замечательный материал можно было бы найти здесь для биографии Владимира Ильича,—если бы удалось собрать материал по этому вопросу.

Швейцарский Союз молодежи, хотя и насчитывал ко времени войны уже несколько лет своего существования, все же до этого представлял собой довольно расплывчатую организацию. Союз объединял людей различных направлений, здесь были и реформисты, и синдикалисты, и небольшая группы революционных марксистов. Последние еще бродили в потемках, за небольшим исключением, но все же их влияние было сильно (в организационных вопросах). Среди членов Союза особенно выделялся председатель его, товарищ Вилли Мюнценберг.

Уже в начале империалистической войны, в 1914 году, можно было наблюдать, насколько швейцарская молодежь опередила швейцарскую с.-д. партию. Но все же нельзя сказать, что внутри Союза молодежи не было социал-шовинистских настроений.

Но наиболее активная часть руководителей стояла определенно на позиции интернационалистов-циммервальдистов. Они все больше сближались с единомышленниками из русской колонии. Особенно эта связь усилилась с момента приезда Владимира Ильича Ленина в Цюрих в 1915 году.

Руководящие круги с.-д. партии продолжали праветь. Они удерживали рабочие массы от всяких выступлений, давая иной раз гарантию полиции, что таковых не будет.

С.-д. пресса виляла на все лады, желая представлять социал-демократию «нейтральной» страны.

---

[1] Сборник «Ленин и молодежь», изд. «Молодая Гвардия», 1925 г.

Пресса молодежи выставляла революционные лозунги, и Владимир Ильич все больше сближался с молодежью. Сначала прислушивался, а затем постепенно начал помогать ей в работе. Сильно сказалось это влияние Ленина на одном из руководителей молодежи, на Вилли Мюнценберге.

Вскоре швейцарская молодежь в день 1-го августа демонстрировала свою солидарность с рабочим классом.

1 августа самый большой национальный праздник—праздник объединения Швейцарии.

Вся страна ежегодно в этот день охвачена радостью. Особенно торжествовали в этом году мещане-швейцарцы, радуясь, что их не постигла участь Бельгии и они остались «нейтральными» в войне.

Цюрихская молодежь решила нарушить в этот день гражданский мир и выступила с демонстрацией, написав на своих знаменах лозунги Ленина: «Империалистическая война должна быть превращена в гражданскую», «Да здравствует социальная революция». Полиция была наготове. Она хорошо следила за революционной молодежью.

Это выступление вызвало море злобы и ненависти со стороны швейцарской буржуазии и полиции. Демонстрация не только была разогнана, но пущены были в ход хлысты и кулаки полицейских и произведены многочисленные аресты.

Швейцарская буржуазия вздрогнула, ибо это выступление в нейтральной стране с лозунгами: «Долой войну», «Да здравствует социальная революция», могло осложнить отношения с Германией (т. к. это было в немецкой Швейцарии), а это сулило борьбу не только на внутреннем, но и на внешнем фронте.

Зато выступление еще больше сблизило Владимира Ильича с молодежью, и он все чаще стал встречаться с ней, упорно прививая ей идеи и тактику большевизма.

Особенно ценно и заслуживает внимания участие Владимира Ильича на Всешвейцарском съезде молодежи в Цюрихе в 1916 году.

На этом съезде (в первый день) Владимир Ильич выступал не то с приветствием, не то с докладом о международном положении [1]. В последующие дни съезда Владимир Ильич

---

[1] Автор имеет в виду, очевидно, не съезд молодежи, а съезд швейцарской социал-демократической партии, на котором присутствовало много делегатов революционных молодежных организаций. На этом съезде 4 ноября 1916 года Ленин выступал с приветствием от имени большевиков (Соч., т. XIX, стр. 277—279). *Ред.*

беспрерывно присутствовал на нем, причем помню, как меня поразило то, что он все время сидел не за столом президиума или близко к трибуне, где хорошо было слышно, а сидел наверху, на галерке, вместе с Надеждой Константиновной, чтобы не мешать или не стеснять молодежи. Вспоминая этот съезд, я и сейчас вижу перед глазами, как Ильич, сидя на галерке, наставив ухо, перегибаясь верхней частью корпуса, внимательно слушал...

Ораторы часто говорили на швейцарском наречии, трудно понятном даже немцам, тем более русским, но Владимир Ильич внимательно прислушивался; особенно меня удивило, как он выслушивал отчет кассира Союза, несмотря на то, что отчет был скучнейший. Съезд продолжался почти неделю. Владимир Ильич не пропустил почти ни одного заседания.

* * *

В дальнейшем Владимир Ильич еще крепче связался с Швейцарским союзом молодежи, направляя его на «ленинский путь».

* * *

В 1917 г., когда грянула русская революция, Владимир Ильич первый стал собираться к отъезду в Россию. Но перед отъездом он решил выступить перед швейцарскими рабочими и молодежью.

Владимир Ильич свою первую речь о русской революции произнес на собрании, устроенном в Народном доме в Цюрихе, на немецком языке[1]. Никогда еще я не видела такого подъема, не слыхала такой страстной речи. Слова лились, как будто он говорил на своем родном языке. Движения были порывисты и страстны. Речь была сплошным практическим советом, как и что нужно делать, чтобы революция была победной для всемирного пролетариата.

Затем Владимир Ильич собрался выступить среди молодежи, но, узнав, что цюрихская организация пригласила, кроме него, еще и меньшевика, Владимир Ильич категорически отказался пойти туда и так и уехал, не прочитав доклада молодежи, зато крепко прощупал руководителей, свя-

---

[1] Доклад Ленина «О задачах РСДРП в русской революции» на собрании швейцарских рабочих и молодежи состоялся 27 (14) марта 1917 г. (Соч., т. XXX, стр. 315—319). *Ред.*

зался с ними и проинструктировал на этот счет кого следует.

Когда Владимир Ильич уезжал, молодежь пришла на вокзал и с песнями и знаменами провожала вождя мирового пролетариата.

Результаты влияния Владимира Ильича на швейцарскую молодежь сказались при организации Коммунистического интернационала молодежи, где Швейцарский союз сыграл немалую роль.

И. СКОРИНКО

Ленин и первые шаги Союза молодежи[1]

Однажды, после собрания в нашем районе представителей заводской молодежи, на котором была принята «устрашающая» Временное правительство резолюция (в ней попутно мы ругнули и «Труд и Свет»[2]), я был делегирован в редакцию газеты «Правда» передать эту резолюцию для напечатания в газете.

Придя туда и спросив кого-либо из редакции, я был впущен в одну комнату, где увидел небольшого роста человека, читавшего газету.

При моем входе он отвлекся от газеты и спросил, довольно любезно, о цели моего прихода. Я показал ему принесенную резолюцию.

Товарищ прочел ее очень внимательно, улыбнулся и спросил, кто ее писал и почему мы ругаем «Труд и Свет».

Будучи «бойким» и к тому же «активным работником», я, сгорая от авторского самолюбия, сказал, что резолюция моя, а «Труд и Свет» мы ругаем, потому что на наш взгляд эта организация «портит классовое самосознание и отвлекает нас от дела наших отцов по революции».

Товарищ заинтересовался и стал об юношеских организациях расспрашивать более подробно. Узнав, что наш рабочий район вышел из всерайонного комитета «Труд и Свет», он заволновался и несколько раз повторил, что этого делать не следует.

— Наоборот, нужно на собраниях раскрывать планы П. Шевцова и указывать молодежи, что они и П. Шевцов говорят на разных языках...—так говорил мне товарищ.

---

[1] Сборник «Юношеское движение в России», выпуск I, изд. 2-е, 1925 г Изд. Истмол ЦК РЛКСМ.

[2] «Труд и Свет» — одна из первых юношеских организаций, внутри которой все время шла борьба между входившими в нее массами революционной рабочей молодежи и руководством (П. Шевцов), ставившим себе задачу под флагом культурно-просветительной работы отвлечь молодежь от революционной борьбы. *Ред.*

Тогда же он мне преподал несколько советов по ведению политической полемики и фракционной борьбы.

Чуть ли не бегом помчался я к себе в район и, отыскав Васю Алексеева, рассказал ему о беседе.

Во время рассказа Вася попросил меня описать наружность того товарища, который со мной говорил, и когда я это сделал, Вася стал меня уверять, что это был никто иной, как т. Ленин.

Ленина я до этого времени не видал и согласиться с Васей Алексеевым не мог. Но когда впоследствии я увидел Владимира Ильича, то убедился, что об юношеской организации в редакции «Правды» со мной говорил именно т. Ленин.

Устроив экстренное совещание по вопросу о всерайонном комитете, наше бюро, согласно указаниям т. Ленина, постановило вновь войти в комитет с целью его разрушения и создания во всем Петрограде единого Социалистического союза рабочей молодежи.

С этого дня наш район сделался официальным оппозиционером, о чем Васей Алексеевым было указано в декларативном заявлении на заседании всерайонного комитета.

На каждом заседании наш лидер, Вася Алексеев, раскрывал сущность организации «Труд и Свет», вставая на ножи с П. Шевцовым и горячо споря по принципиальным вопросам.

Васе помогали и мы. Помимо выступлений мы вели и индивидуальную агитацию, которая по одному человеку еженедельно вырывала молодежь из рядов «Труд и Свет» и усиливала наши ряды.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

У Ильича[1]

Осенние дни. Но солнце еще тепло, небо ясно. На улицах Москвы обычная суета и шум.

В одном из громадных домов одного из переулков Мясницкой десятки юных голосов гулко отдаются в высоте больших комнат и коридоров.

Здесь происходит первый всероссийский съезд союзов молодежи.

Шумно, весело, радостно.

Вот открывается съезд, текут пылкие приветственные речи, гремят рукоплескания.

Но редко приходится видеть восторг, какой проявился у юных пролетариев при предложении выбрать в почетные председатели съезда нашего вождя, нашего друга и учителя—товарища Ленина. С тем же восторгом приняли предложение послать к нему представителей съезда для приветствия.

Эта почетная роль выпала на долю президиума съезда.

Помню ясно, как волновались мы, члены этого президиума. Собрались вместе и начали обсуждать это великое предприятие.

— Но как мы подойдем к нему, как говорить будем?—волновался кто-то.

— Кажись радостно, а душа под тротуар убежала,—вторил другой.

Этот вопрос нас очень занимал. Кто будет говорить от лица съезда: все или один? Кто скажет? Что скажет?

Наконец, решили поручить миссию «докладчика» т. Цетлину.

— Целую ночь спать не буду,—объявил он.—Авось что-нибудь и придумаю.

На следующий день отправились. Но оказалось, что как

---

1 Сборник «Ленин и комсомольцы», изд. «Молодая Гвардия», 1923 г.

раз сегодня Ильич принять нас не может. Позвонив в Кремль из ЦК партии узнали, что надо притти завтра к 12 часам.

Снова день и ночь волнения. Проведя утреннее заседание съезда, отправляемся, наконец, в Кремль. Сами шутим друг над другом, но у каждого, что называется, поджилки трясутся.

Пришли, вошли в приемную. Конечно, оказалось, что опоздали. Но сообщили, что после доклада какого-то товарища т. Ленин все-таки нас примет.

Ждем, волнуемся.

— Ничего,—говорит Лазарь Шацкин Цетлину,—я буду возле тебя. Если начнешь чушь городить, я тебе ногу отдавлю, все же спокойнее будет...

Смеемся, волнуясь.

Наконец... гуськом тянемся в кабинет Ильича. Цетлин впереди.

Бросив несколько слов кому-то уходившему, оборачивается к нам т. Ленин. Просто одет, из кармана торчит длинное теплое кашнэ, улыбается, здоровается. Уселись.

Ильич, наверно, понимает наше состояние. Едва только Цетлин выдавливает из себя несколько слов, как он его перебивает.

Через минуту от нашего волнения не остается и следа. Он, вождь всемирного пролетариата, такой близкий, чуткий и внимательный с нами.

Цетлин гордо выкладывает, что съезд постановил назвать Союз—Коммунистическим.

— Дело не в названии,—бросает Ильич.

— Но мы оправдаем это название!—вырывается у того.

Тов. Ленин радостно улыбается в ответ.

Расспрашивает нас о количестве членов Союза, о составе съезда, о классовом составе членов организаций.

— Насчет интеллигенции поосторожнее,—советует он.

— Сколько девушек на съезде?—спрашивает Ильич, обращаясь к Герр.

Тут словно кто-то дернул меня за язык.

— Девять штук,—выпаливаю я.

Все рассмеялись. Герр из-за спины Дугачева грозит мне кулаком.

Много еще деловых вопросов предлагает т. Ленин. Советует связаться с Западом, обещает дать будущему ЦК журналы молодежи, выходящие на Западе.

— А как у вас с финансами?—спрашивает нас.

— Финансы в проекте. В наличии—ничего.

Тов. Ленин берет бумагу и пишет что-то.

— Это к Свердлову,—говорит он.

Подымаемся, прощаемся и уходим, обласканные великой душой великого человека.

Он первый протянул нам руку духовной и материальной помощи. Он понял великие стремления молодежи.

Пусть помнит каждый юный пролетарий слова т. Ленина:

— *Дело не в названии.*

М. ЗОРКИЙ

Ленин на III съезде РКСМ[1]

2 октября 1920 г.! В недолгой истории комсомола эта дата — памятный рубеж. В этот день Ленин пришел на съезд Союза и сказал свою единственную речь комсомольцам. Единственную — но в ней все: *куда итти и как итти.*

* * *

Ночь на 30-е сентября. Харьковский вокзал и ночью неугомонно шуршит, прощупывает крепко-накрепко каждый эшелон: доверху ли набиты теплушки, платформы, крыши.

На хлюпком, чавкающем перроне мокнет часами, раскидываясь все шире и шире, сторожкий и озлобленный лагерь ожидающих. Медленно подползает бесконечный товарный состав, уже на ходу обвисая гроздями шинелей. В свете тусклых фонарей короткий штурм. Атака отбита. Армейцы и мешечники прочно основались в поезде еще тогда, когда он возникал в неведомых тупиках, где-то на укромных запасных путях, и успели набить его до отказу.

— Куда прешь, куда? Глаз нет, не видишь: полно!

Весь в липком поту, с чувством утопающего мечусь вдоль теплушек. У каждой барабаню яростной скороговоркой:

— Мне в Москву на съезд! Делегат! У меня место в штабном, а штабной отцепили!

— Ну и отцепись, коли отцепили! Знам ваши съезды!..

Конец. Последний вагон. В отчаянии и изнеможении застываю на месте.

Два звонка. Оставшиеся на перроне бьются в агонии. Решаю: «застрял!» Но в тот же миг кто-то хватает за рукав:

— Микита! Забув свій вагон, дурна голова?

---

[1] «Смена» № 8, 1924 г. Издано отдельной брошюрой «4 октября 1920 г. Ленин на съезде комсомола», изд «Новая Москва», 1924 г.

Армяк обдает кислым хлебным перегаром и тащит за собой в темную дыру теплушки:

— Ось він, чертяка, де...

Навстречу—грозные окрики, но сразу гаснут:

— Свои, свои—не спізнали?

С мрачной решимостью, цепляясь за чью-то доху и за приклад винтовки, карабкаюсь вверх и сразу ныряю в сторону, под нару, перелезаю через спящие тела и забиваюсь в угол.

Еще не верю счастью. Вытягиваюсь, блаженно чувствую под щекой смазной сапог, а в нем, как в телеграфном столбе, откуда-то издалека гудит мерный храп его обладателя.

— Микита! Та де ж ты?

На два аршина влево мой озадаченный благодетель напрасно чиркает спичку за спичкой. Микита остался на слякотном харьковском перроне, либо судорожно виснет на буферах. А под нарой сладко спит лже-Микита, вздрагивая под веселый вагонный стук, и в кармане у него—сердитый мандат на III Всероссийский съезд РКСМ.

* *
*

2-го в сумерки плюхнулся прямо из теплушки в лужу—Москва! Лихо выругался для солидности, размял кости и двинул через карболовые туннели вокзала (вниз—вверх, вверх—вниз) мимо несчетных проверок и продосмотров. Тряска, неожиданный субботник в Белгороде (погрузка дров), перестрелка с бандитами перед Курском—позади. Не опоздать бы на съезд. Скорее на площадь!

Извозчики, спесивые, как павлины—не для нашего брата. Справься, пожалуй, «для информации» о цене, изумленно крякни и крой по лужам, по вечерней настороженной и голодной Москве, мимо мертвых, обглоданных и заколоченных домов.

На Остоженке в общежитии Наркомпроса огорошили сразу:

— Времени не теряй, марш на съезд!

Мешок—бряк в угол, мокрые сапоги—к лешему, влезаю в чьи-то штиблеты. В них и в драных галифе ни дать, ни взять—дезертир.

В момент выпотрошил у всех карманы: хватило бы на извозчика.

— На Малую Дмитровку!

Мерзкая кобыла еле перебирает ногами. Где-то далеко ухают одинокие винтовочные выстрелы.

Толпа у дома, где и по сей день жужжит Свердловия. С улицы видно в зале стоят на окнах. Минуты достаточно, чтобы—в подъезд и вихрем по лестнице. Мандат наготове. В коридоре ни души. В дверь, в зал, где жарко, плотно и тихо, и—стоп, как вкопанный:

— Ленин!

Все люстры зала купались в этой сияющей лысине. Врезалось в память, и донесет память до конца: на стене—огромный портрет, неживой и тусклый; а вон там, по сцене ходит маленький, родной, искрящийся, а главное—настоящий. Ходит, пригибаясь вперед, останавливаясь, передергивая плечами.

Только через минуту до сознания донесся голос:

— Учиться коммунизму... А что такое учиться?

— Коммунизм... А коммунизм что такое?

Вот тут только и сказался трехсуточный голодный рейс, и вслед за напряжением прорвалась, хлестнула в мозг усталость. Даже зашатался и сел на краешек стула (сосед отодвинулся, не обернувшись). Отдышался, и опять дошли слова:

— Мы имели книги, где все было расписано в лучшем виде... А чем были эти книги? Ложью, попросту—отвратительной ложью!

Встал и начал прокладывать путь к трибуне. Протискался к передним рядам, сел почти у самых ног Ильича и ушел в поток неотесанных, почти сердитых фраз, рывками катившихся со сцены.

Эту речь теперь знают все. На ней еще будем много и много учиться—и мы, и те, кто придут по нашим следам. Но тогда она была совсем, совсем не такой, какую ожидали.

— Нам что нужно?—швырял Ильич.—Нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося *знанием основных фактов...*

Учеба... Назойливую мысль о ней неустанно гнали прочь в дозорах, в казармах, на субботниках, в прокуренных комитетах. И разве плохо, что гнали?..

Зал слушал напряженно, но нелегко, и стояло в глазах сомнение: к делу ли говорит «старик»? Еще сегодня-вчера мы из тревожных, голодных, бессонных губерний, где каждый неразлучен с наганом, где залетную птаху-газету не успеваешь распластать на столе... Вчера еще каждый из этого зала трясся в вонючей теплушке или пробирался по грудам тифозных тел на вокзалах с одной несложной и твердой думой: «Врангель». А тут:

— Всю сумму человеческих знаний вы должны критически проработать, усвоить...

Хорошо бы дорваться до такой задачи! Да приспела ль она?

Недоуменно и опасливо кошусь на соседей. Один, совсем молодой рабочий парняга, пухорылый, приложил руку к уху, тянет—не проронить бы какого ни на есть словца. Рядом другой скептически шевелит бровями и что-то быстро строчит в блок-нот: миг и записочка трубкой перелетает в президиум. Председатель лениво перебрасывает ее к Ильичу.

Оглядываю зал. Озадачен, видно, не я один. Слишком крут перевал от того, чем каждый дышал час назад, чем дышит вся развороченная страна за окнами этого зала— к этой упрямой и непривычной речи.

Не одолеть крутизны! А изнутри все же подмывает радость: «ведь впрямь видишь и слышишь Ленина!»

Никак не свыкнешься с этой мыслью... И снова переводишь глаза с живого любимого Ильича на огромный тусклый портрет.

А живой вдруг, на каком-то невзрачном словце, оборвал, вытер лоб и сел.

Кажется, устно вопросов не задавали. Помню, как председатель (Шацкин) что-то говорил, обращаясь к съезду, но глядя на Ильича, а тот, копаясь в записках, подымал голову и утвердительно кивал ею, а потом засмеялся. Тогда председатель торжественно возгласил:

— Слово для ответов на вопросы принадлежит товарищу Владимиру Ильичу Ленину.

Было больше десятка вопросов - недоумевающих, резких, трогательных и даже полунасмешливых. Ильич каждую из записок оглашал, на иные тут же отвечал немногими словами и брал другую. Иную клал, маленькими шажками выходил вперед и подробно выкладывал ответ, повторяя последнюю фразу дважды. Некоторые он, прочитав, откладывал, заявляя немного нараспев:

— На это отвечал...

— Уже сказал...

За упавшими на пол записками Ильич полез под трибуну, долго там возился. Зал зашелестел, закашлял. Президиум задвигал стульями. Председатель и еще кто-то полезли помогать и наконец извлекли искомое.

Из вопросов помню: о деревне, об интеллигенции («с ней поосторожнее»—сказал Ильич), о продразверстке, много

о фронтах, несколько—о революции на Западе. И, кажется, ни одного об учебе... На одном вопросе Ильич запнулся:

— Что правильнее—Р. К. С. М. или Р. С. К. М.?

Ильич медленно расшифровал:

— Это значит: Российский Коммунистический Союз Молодежи, или—Российский? Ну, да, Российский Союз Коммунистической... Ну, и что?

Вопросительно посмотрел на зал и вдруг почти раздраженно заявил:

— Не вижу никакой разницы!

Зал грянул дружным хохотом. Теперь ясно: Ильич наших дел не знает. В течение всех предсъездовских недель сшибались мечами и ломали копья: КСМ? СКМ? Дунаевщина! Гарберовщина! И вдруг этакий афронт... И любовно глядя на Ильича, извиняя его «неосведомленность», ребята весело аплодировали.

Председатель ожесточенно дребезжал звонком, что-то кричал сквозь шум Ильичу; тот, кажется, улыбался. Но когда смех стих, он опять почти сердито заявил, что дело не в имени, а в работе. Потом на бумажную горку легла последняя записка. Ильич сгреб всю кучку в карман, ласково посмотрел на зал и сказал:

— Вот и все.

Зал встал и пел Интернационал, не сводя глаз с Ильича, успевшего облачиться в шубу и тоже шевелившего губами.

Хотел посмотреть, как Ильич выйдет—да чувствую: сжало бока, подхватило и несет в боковую дверь. В последний раз мелькнул родной любимый лоб—Ленин спускался с трибуны.

* * *

С Дмитровки—толпами на Садовую к Третьему Дому Советов. Сколько б дорог ни отмахал вперед наш Союз, не следует забывать Третий Дом—заветную обитель съездовских делегатов! Каждый год (а то и дважды в год) под сводами бывшей духовной семинарии бурлит комсомол. Привет тебе, Третий Дом, арена ночных совещаний, петушиных боев до хрипоты и до рассвета, незлобивых дебошей; купель и могила всех комсомольских ЦК; редакция ярого «Подзатыльника» и родина самого слова «комсомол». Сюда перед каждым съездом уверенно сползаются с восьми вокзалов; отсюда (после съезда) с рыком развозят делегатов по восьми вокзалам грузовики.

С улицы принесли в Третий Дом галдеж и залили им дом до краев; курили у плаката «Курить воспрещается»; в столовой истово обсасывали воблу и пятерней терзали желанные теплые ломти кислого хлеба. Наперебой рассказывали о местах и изысканно, с чувством ругали ЦК. Потом разбрелись по огромным и плотно уставленным кроватями палатам. С неожиданной степенностью раздевались, старательно зализывали козьи ножки, и теперь только всерьез и вполголоса заговорили о докладе Ильича.

— Как бы тебе сказать это,—морщился сосед, с усилием подыскивая слово,—это, конечно, то, что надо... Да рано это... Ну, этак годиков через пять—в самый бы раз...

Из-под соседнего одеяла вынырнула голова—задорно и укоризненно:

— А тебе что—скорую помощь надо? Чтоб «действительно в день выдачи»? На то он и Ленин, чтобы на годы сказать!

Каемся, немногие из нас тогда поняли: Ильич сказал «на годы» и десятилетия. Президиум съезда умолял Ильича сделать доклад о «текущем моменте». Ильич готовил доклад о задачах Союза и от «момента» наотрез отказался. Еще предстояли Перекоп, Кронштадт и многотрудное отступление к нэпу. Ильич нетерпеливо перемахнул эти ступеньки,—и как хорошо сделал, что перемахнул! Еще одна ленинская речь о фронтах и разверстке? Разумеется, и она была бы для нас драгоценным наследством. Но доклад Ильича на III-м съезде—нечто неизмеримо большее: это—*завещание поколению, которое вырастет ленинским.*

Прошли годы, и самый злой, 1924-й, взял у нас Ильича. Но только теперь мы учимся читать скупые слова этого завещания. В июле 1921 г. Третий Дом Советов переполнился делегатами на наш VI съезд. Этот съезд дал Союзу имя «Ленинский». Но программы работ Ленинского комсомола писать не пришлось: и эту задачу предусмотрел он сам, родной и великий, и сам передал нам эту программу в памятный вечер 2-го октября.

Д. ХАНИН

Ленин на трибуне комсомольского съезда[1]

На III съезде я впервые увидел Ленина.

Съезд заседал на Малой Дмитровке, в зале, где сейчас по вечерам прыгает и упражняется в фехтовании Фербенкс. Тогда это был сумрачный, суровый, длинный, как скучный день, зал.

Ленина долго ожидали, а он не появлялся. Один за одним выступали ораторы с приветствиями. Они говорили нудно и тяжко, их речи тянулись, как нескончаемая бумажная лента изо рта китайского фокусника.

Ленин не появлялся. Мы устали от заседания фракции, от утомительных волнений, от тяжелой езды в Москву, от бессонной ночи в Доме Советов. Поневоле, сами собой слипались глаза, голова тихо склонялась к услужливому стулу соседа.

И вмиг, когда далеко-далеко уплыл зал, когда невнятным бормотаньем докатывалась до уха речь оратора, внезапный гром разорвался надо мной. Я поднял голову. В президиуме, облокотившись на стол, подпирая руками скулы, сидел Ленин.

Какая-то волна взмыла меня, я поднялся, кричал без слов, без мысли, кричал от восторга, от переполнивших меня чувств. Я кричал и не слышал своего голоса: он тонул в общем крике вздыбленного зала.

И только очнувшись, вытерши глаза, я смог разглядеть Ленина. Он сидел, втянув голову в плечи, словно прячась, словно не зная куда уйти от приветствий. Лучи электрических лампочек отражались на его блестящем лбе.

Он поразил меня больше всего, этот лоб, громадный и выпуклый. От него исходили магнетические лучи, и они притягивали, манили к себе. Почти реальная, материальная,

---

1 Из книги Д. Ханина «Университет моего поколения». «Прибой», 1930 г.

ощутимая сила скрывалась за громадной коробкой, глаза не могли оторваться от ленинского лба.

Ленин встал и заговорил. В руках его была небольшая бумажка. И те, кто видели ее после доклада, рассказывали, что на ней почти ничего не было написано. Была нарисована изба с вывеской «школа», от нее шла дорога, по дороге усыпаны были короткие слова. А между тем во время речи Ленин часто заглядывал в свою бумажку.

Говорил он голосом человека, как-будто непривыкшего к публичным выступлениям. Голос немного картавый, чуть-чуть приглушенный, почти не модулировал, не подымался до высоких нот в торжественные минуты и не опускался до обычной человеческой речи в спокойные моменты доклада. Это не был голос завзятого оратора, стремящегося волновать массы и гордящегося этим.

И все же речь Ленина обладала необыкновенной убедительностью. И помимо железной непреодолимой логичности, убедительность его речей проистекала от его качеств, как оратора. Он был великий оратор, несмотря на то, что природа не наделила его подходящим голосом.

Скупой ленинский жест, короткий, энергичный взмах правой руки, пауза между фразами, наклон корпуса вперед и пытливое разглядывание слушателей делали его речь яркой, убедительной, богато иллюстрированной.

Он начал свою речь спокойно, стоя на одном месте, время от времени разглядывая записку. Но уже через пять минут, задав какой-то вопрос, он отступил вглубь сцены, постоял мгновенье, помолчал, затем быстро, почти бегом вышел вперед, наклонившись ответил, и крепким рывком правой руки подчеркнул ответ. И от резкого этого движения ответ стал понятнее и убедительнее.

Потом Ленин говорил о вещах сложных и больших, о нравственности и морали. Речь его потекла медленно, спокойно. Он не торопясь переходил от одной фразы к другой, от мысли к мысли, будто хотел оставить слушателям время подумать, освоиться, понять. Но вот перешел он к вопросу о том, как буржуазия проповедью общечеловеческой морали дурачит людей. Речь Ленина потеряла плавность. Она стала резче, быстрее, казалось стрелы летят от этого широкоплечего, быстро шагающего по сцене человека. Его слова были пропитаны ненавистью к лжи, обману, к угнетению. И ненавистью своей он хотел ранить невидимых врагов.

Так говорил он час о сложных и трудных вопросах, о которых стопы и тонны бумаги исписали философы. И в этот

час большие вопросы классовой науки, классовой морали получили четкое разрешение. Его ответы нельзя было оспорить.

А ведь в этот день Ленин делал второй доклад. Утром он выступал на съезде кожевников. Возможно, в промежутке между докладами он руководил заседаниями Совнаркома.

* * *

Тема его доклада несколько поразила нас. Мы ожидали речи о международном и внутреннем положении. Нам хотелось узнать, как поступят с поляками, которые в это время подходили к Минску, что сделают с Врангелем, окопавшемся в Крыму. А Ленин, не взирая на повестку дня, решил делать доклад о задачах союза молодежи.

— В чем задача молодежи?—спросил он и остановился, прищуря глаз, словно ожидая ответа от нас.

— Как в чем?—всколыхнулись мы,—гнать поляков, бить Врангеля, ловить дезертиров, собирать в деревнях хлеб для города.

Но Ленин думал по-своему.

— Задача молодежи состоит в том, чтобы учиться,—заявил он.

Мы чуть не подпрыгнули на своих местах. Учиться! Но с каким презрением относились мы к тем странным и непонятным нам юношам, что в бурные годы отсиживались в университетах, к этим зябким душам, робким натурам, боявшимся грома выстрелов и трепетавшим при виде крови. Учиться! Но школы были разрушены, через разбитые окна врывался в них зимой резкий ветер и в опустевших классах сидели, кутаясь, слабые девочки и «маменькины сынки», не выпускавшие даже в эти дни материнскую юбку из рук своих. Учиться! Но враг еще в стране, еще грозит, и разве можно брать циркуль в руки! Сейчас каждому ясно, что в молодые годы учиться надо, но тогда нам казалось, что в молодые годы надо воевать, и разве не простительна ошибка наша?

А Ленин подождал мгновенье, пока схлынул поток набежавших на нас сомнений, и продолжал:

— Да, задача молодежи и состоит в том, чтобы учиться.

И Ленин вступил в борьбу с аудиторией. Градом аргументов он обрушился на нас. Он показал, как марксизм вырос из всей суммы человеческих знаний; как нельзя строить коммунизм без науки; как наряду с муштрой и палочной дис-

циплиной в старой школе были и точные науки, которыми нужно овладеть, без которых нельзя строить. С негодованием и презрением отозвался он о тех коммунистических начетчиках, что усваивают из коммунистических книг и брошюр только вершки, готовые выводы, лозунги и не добираются до корней.

И когда уж схлынули сомнения, когда ясна всем стала необходимость ученья, сам Ленин внезапно призвал нас к критическому отношению к буржуазному наследству. Он требовал выбросить из науки все, что в ней было лживого, что было рассчитано на обман трудящихся, на воспитание для буржуазии покорных и послушных слуг из детей рабочих и крестьян. Он призывал выбросить огромную накипь лишних, ненужных, мертвых знаний, что забивали головы детей и юношества, что готовили из них, подстриженных под одну гребенку, чиновников.

И особенно восстал Ленин против проповеди буржуазной общечеловеческой морали.

Буржуазия и ее ученые выводили мораль из велений бога, или абсолютного духа, или еще из какого-либо мудрого названия, под которым скрывался старый идеалистический боженька. Но от имени бога говорило духовенство и буржуазные ученые в интересах буржуазии. «Мы отрицаем внеклассовую нравственность, заявил Ленин. —Это обман, надувательство и забивание умов. С нашей точки зрения нравственно все то, что служит интересам рабочих и крестьян».

И с огромных высот философской мысли Ленин свел нас на землю будничной практики. «Вы будете учиться, сказал он.—Но не отрывайтесь от борьбы рабочих и крестьян. Только та наука сильна, которая крепкими нитями связана с жизнью. Полный разрыв книги и жизни—одно из величайших зол старого общества. Учитесь, участвуя в борьбе и строительстве рабочего класса. Будьте первыми среди строителей. Покажите образец нового, не рабского, а коммунистического отношения к труду. Тогда вы оправдаете свое звание Коммунистического союза молодежи».

Прошло десять лет со времени ленинского доклада, и пусть кто-нибудь попытается найти в нем хоть одну устаревшую мысль. Самые старательные поиски окажутся безуспешными.

Ф. ПЛЯСУНОВ

У Ильича в СТО

1 июля 1921 года—дважды исторический и для Комсомола и для рабочей молодежи день.

Во-первых, в этот день продолжает свою работу II Конгресс Коминтерна молодежи.

Во-вторых, в этот же день мы идем с Дунаевским в Совет Труда и Обороны убеждать Владимира Ильича Ленина в правоте нашей комсомольской точки зрения на сокращение подростков в промышленности.

Вы хотите знать, как и почему в этом вопросе мы дошли до Ильича? Извольте.

Еще с первых дней нэпа началось массовое увольнение рабочих подростков с фабрик, заводов и предприятий.

Май—июнь 1921 года превратили Центральный Комитет нашего Союза в настоящий, доподлинный комиссариат рабочей молодежи по экономическим делам.

Не проходило дня, чтобы в ЦК не получали из какой-либо рабочей организации союза извещения об увольнении стольких-то или стольких-то сотен рабочих подростков. Причем все эти извещения обыкновенно заканчивались грозным требованием—принять необходимые меры для ослабления этого похода против подмастерья.

Для нас было очевидно, что если мы не введем увольнение подростков в правильное русло, то вся та большая работа по ликвидации политнеграмотности, которая к тому времени считалась уже почти налаженной в Союзе, рухнет и в ближайшее время не восстановится, что еще больше углубило бы начавшийся к тому времени кризис Союза.

ЦК, под влиянием этих причин, забил тревогу.

Мне было поручено войти в немедленные переговоры с СТО и ВЦСПС по вопросу о создании специальной комиссии для разработки проекта постановления Совета Труда и Обороны о порядке увольнения подростков.

В самом ЦК была выделена специальная комиссия из Ду-

[1] Сборник «Ленин и комсомольцы», изд. «Молодая Гвардия», 1923 г.

наевского, Полифема и меня для составления этого проекта, который должен был послужить материалом для создающейся по нашему предложению комиссии СТО и ВЦСПС. Последняя была создана еще в конце июня и она-то и явилась виновницей нашего появления на заседании СТО 1 июля 1921 года. Отсюда, и только отсюда, взяла свое начало та дерзкая мысль, которую мы формулировали очень просто и легко:

— До Ильича дойдем, но ни одного пункта, ни одного слова из нашего проекта не уступим.

Как и надо было ожидать, почти все Наркоматы, участвовавшие в работах комиссии, не пожалели бумаги для рабочей молодежи по случаю ее тяжелого положения в связи с сокращением штатов и на первое же заседание явились с собственными проектами.

Наиболее важными и резко между собою по некоторым пунктам расходившимися проектами были—наш и ВЦСПС. Ясно было, что бой в комиссии возникнет исключительно вокруг них. И к этому бою мы подготовились.

Начался двухдневный жар споров и поток согласований — неизменные спутники всяких комиссий.

Хотя мы и вваливались на заседания все трое, вместо одного, полагавшегося по конституции комиссии, хотя мы иногда и подавали, как бы невзначай, благодаря этому, целые три голоса, вместо одного, но тем не менее целый ряд наших пунктов комиссия провалила. И провалила так основательно, что единственным нашим выходом явилось заседание СТО. На него вся надежда, там мы должны доказать, что с Комсомолом шутки плохи...

Отсюда вполне понятно, что весь день 1-го июля мы бегали как ошалелые: собирали телеграммы, цифры, сведения, суммировали доводы, делили между собою спорные пункты для лучшего их отстаивания и производили всякие иные подготовки своих выступлений на заседании СТО. Наконец, отправились на заседание.

Робко, нерешительно открываем дверь и один за другим проскальзываем в комнату заседаний.

Быстро скользнувший по комнате взгляд невольно останавливается на блестящей от падающих из окна лучей солнца лысине Ильича. Он сидит в центре большого стола, представляющего как бы верхнюю черту большой буквы Т, образованной из двух столов, в центре комнаты. По краям этих столов сидят члены Совета Труда и Обороны.

Ильич, как бы в ответ, в свою очередь окидывает нас продолжительным, подмигивающим взглядом и с добро-

душной улыбкой, картавя, спрашивает, указывая на пустые кресла, стоящие вдоль стены комнаты:

— Вы представители Комсомола?

Оба, трудно объяснить почему именно, смущенные, как красные девицы, вплоть до опущенных век и появившейся яркой краски на щеках, и одновременно буркая что-то похожее на «да»,—занимаем по маленькому кусочку кресел.

— Следующий вопрос: о сокращении штатов подростков— доклад комиссии ВЦСПС. Кто будет докладывать? Вы?— Ильич кидает взгляд на председателя комиссии.—Ваше слово.

Председатель комиссии делает небольшую вступительную информацию и зачитывает проект постановления в том виде, в каком он принят комиссией, причем этот проект имеет такое заглавие:

«Постановление СТО о порядке увольнения подростков в промышленности».

После окончания зачитывания, Ильич бросает председателю комиссии вопрос:

— А разве на транспорте сокращение не проводится?

Богданов, председатель ВСНХ, дает утвердительный ответ.

— Тогда припишите: и на транспорте,—обращается Ильич к рядом с ним сидящему секретарю заседания.

Дальше Ильич выражает свое недовольство тем обстоятельством, что в проекте слабо разработаны мероприятия борьбы с безработицей подростков.

Мы с Дунаевским, что называется, растем. Мозг сверлит победная мысль:

— Что, попали? Вот Ильич-то, он вам сейчас покажет, как не принимать наши предложения. Ага? Жарко стало? Ну, ладно, на следующий раз податливей будете.

Эта мысль окрыляет, и я поднимаю руку. Ильич скользит по моей, торчащей в воздухе, руке и произносит:

— Слово имеет представитель Комсомола.

Встаю. Только что бывшее боевое настроение как-то сразу улетучивается, и вся моя речь, долженствовавшая раскрошить комиссию, с ее никуда негодящимся, без наших пунктов, проектом,—сводится... к самому простому, сухому сообщению, что у нас есть ряд пунктов, не принятых комиссией, которые мы пришли выдвинуть непосредственно на обсуждение СТО, и что поэтому мы предлагаем обсуждение проекта вести по пунктам.

Ильич возвестил:

— Переходим к обсуждению проекта по пунктам. Читайте первый пункт.

. Председатель комиссии зачитал первый пункт, основная мысль которого сводилась, примерно, к следующему: не надо брать курса на массовое увольнение подростков (пункт этот с пеной у рта на комиссии протащили мы и, ей-ей, я и сейчас не знаю, что мы хотели им сказать).

— Мне кажется, что увольнение подростков можно регулировать без всяких курсов. Есть ли поддерживающие этот пункт? Нет. Переходим к следующему.

Это неожиданное заявление Ильича так на нас подействовало, что мы не успели и рта открыть, как председатель дочитывал уже второй пункт, принятый заседанием единогласно.

В сознании отдельным блеском отложилась мысль: «Вот так-на. Один засыпали».

Следующий пункт, посвященный организации из безработных подростков уборочных отрядов для работы в деревне, вызвал возражение со стороны Аванесова, тогдашнего наркома РКИ.

Но Ильич высказался за оставление этого пункта, и пункт был оставлен. Причем весьма характерно то, что мы и к этому пункту подходили с той точки зрения, что подросткам надо получить работу, а Ильич к нему подошел совершенно иначе. Главенствующим в его доводах было: необходимость деревенского воздуха рабочим подросткам, другими словами, забота об их здоровьи.

Остальные пункты проекта почти не вызвали возражений и были заседанием приняты.

Очередь дошла до наших поправок. Первым слово получил я.

На моей обязанности лежало протащить два пункта: первый, кажется, о выделении подростков в особую группу для лучшего и более быстрого получения ими пособия из Биржи Труда и второй—о перераспределении рабочей силы подростков внутри предприятий, что, по-нашему, должно было вылиться в форму перевода подростков с черных работ на квалифицированные и пр.

Против обыкновения, Ильич ни мне, ни Дунаевскому не ограничил время речей. Его прищурившийся левый глаз и все та же добродушная улыбка, как бы хотели сказать нам: «Говорите, сколько хотите—все равно, ведь мы знаем, что много не наговорите». Оно так и вышло.

Несмотря на то, что у меня были полные руки всяких бумаг, телеграмм и пр., но мне не удалось их использовать так, как я этого хотел и пожалуй, это и хорошо. Если бы по тем материалам делать доклад у себя в Комсомоле, о-о,

часик-полтора бы «даешь»! А там я сказал в несколько минут свое первое предложение с ссылкой на соответствующие наиболее важные цифры,—и все. Это значит, что все, что называется на нашем комсомольском языке «трепотней», отлетело, и осталась только одна стройная, дисциплинированная мысль. Вот чему сразу же научаешься после того, как столкнешься с Владимиром Ильичем, не на большом и обширном митинге, а на деловом, маленьком заседании.

— Мне кажется, что такими решениями загружать постановление СТО не нужно. (Сейчас Ильич начал нас учить.) Здесь должны быть указаны общие решения. А с этим своим предложением вы обратитесь в ВЦСПС и еще в Наркомтруд, и пусть они, в порядке обоюдной согласованности, без всякого нажима СТО, издадут такое решение. Поддерживающих это предложение нет? Переходим к следующей поправке.

На вторую свою поправку я получил совет Ильича договориться с наркомтрудом и обещание наркомтруда Шмидта, что такое постановление будет им издано.

На этом я вынужден был успокоиться, предоставив поле сражения Дунаевскому. А он, ясное дело, выступил в защиту своего соцобровского[1] ведомства и имел те же обязанности по следующим пунктам: о выделении Наркомпросом Главпрофобра в центр внимания своих работ и, кажется, о создании школ фабзавуча за счет частичной ликвидации школ II ступени.

Успехи выступления Дунаевского были те же. Его Ильич направил в Наркомпрос, дабы последний в своем наркоматском порядке обсудил эти вопросы и вынес свое заключение.

После этого проект постановления был утвержден в целом, и мы, попрощавшись с Ильичем, отправились во-свояси.

Советы Ильича оказались чрезвычайно для нас полезными. Они подтолкнули нас, и не прошло какой-нибудь недели, как по всем вопросам, для нас тогда представлявшимся неясными, мы имели точные и ясные решения.

И только тогда мы поняли, насколько нам дорог Ильич, битых полчаса разъясняющий безусым мальчишкам, куда и как им обратиться со своими недоуменными вопросами.

Его-то мы сочли сразу правым, а вот с комиссией я, пожалуй, не согласен и сегодня...

Так Комсомол учился у Ильича, в Совете Труда и Обороны.

---

[1] Соцобр—Отделы социалистического образования молодежи в комитетах комсомола. *Ред.*

С. СЕНЬКИН

Ленин в коммуне Вхутемаса [1]

В марте 1921 года в коммуну № 1 Вхутемаса [2] неожиданно приехал тов. Ленин.

У нас только что кончилось собрание ячейки. Я по обязанности завклуба пошел закрывать парадную дверь, выходящую на Мясницкую. Было уже около 11 часов вечера, и меня немного удивил стоявший в такое позднее время автомобиль у нашего дома. «Наверное,—подумал я,—из Ч. К., приехали кого-нибудь «накрыть» (в нашем доме в то время жило еще порядочно спекулянтов, и из Ч. К. довольно часто приходили их навещать; мы этому обстоятельству всегда радовались по разным причинам, в том числе и потому, что освобождалась лишняя площадь, где мы могли поселить студентов).

Догоняю на дворе ребят, сообщаю об автомобиле. Решаем завтра днем итти смотреть, где наложены печати. По темной лестнице поднимаемся к себе в коммуну. Впереди нас какие-то четыре фигуры ощупью тоже пробираются наверх (в то время действовали приказы максимально экономить электричество,—у нас на лестнице была непроглядная темь, но по другой причине: ребята вывертывали лампочки со всех, по их мнению, «лишних» мест и освещали свое общежитие). Добравшись до площадки, одна из четырех фигур, идущих впереди нас, чиркает спичкой и рассматривает номера квартир. Мы в это время с шумом и гамом тоже пошли к площадке и, привычные к темноте, быстро их перегоняем. Спрашиваем, кого ищут.

— Квартиру 82.

— А там кого?

Назвали фамилию.

---

1 Сборник «Ленин и молодежь», изд. «Молодая Гвардия», 1925 г.
2 Вхутемас—Высшие художественные мастерские. *Ред.*

— Лезьте выше, она сейчас идет с собрания.

При свете спички я разглядел лицо, очень напоминающее лицо т. Ленина (он как раз чиркал спички), и я побежал скорее наверх, чтобы посмотреть при свете огня. За мной вбегают ребята, кричат дежурному—«скорей ужин». Никто не подозревает, кто идет сзади; я не высказываю своих предположений: хочу сам проверить... Входят первыми две женщины: одна помоложе, другая совсем пожилая, сильно осунувшаяся, и проходят в комнату девчат. За ними идет коренастый мужчина в меховой шапке, с высоко поднятым воротником—раскланивается со всеми: «Здравствуйте, здравствуйте». Вглядываюсь... как будто? нет... Один мужчина остается в передней.

Спрашиваю его:

— Кто это прошел, тов. Ленин?

Смеется:—Да.

— Ребята, а ведь у нас Ленин!

Все в кучу.

— Что ты, где? Брось! Закройся!

Указываю:—Вот товарищ сказал, вместе с ним приехал.

Боимся войти в девичью комнату. Наконец, гурьбой, подталкивая друг друга, вваливаемся.

— Тов. Ленин, ведь мы вас не узнали. Нам всем хочется с вами поговорить.

Переводим дух—все слова вышли. Тов. Ленин покатывается со смеху. Понемногу проходит наше смущение.

— Ну что же, расскажите, как живете.

Отвечаем чуть не хором:

— Ничего: теперь дело идет во-всю.

Владимир Ильич как-то лукаво внимательно осматривает всех:

— Ну, по вашему виду-то нельзя сказать, чтобы очень хорошо.

Я, чувствуя на себе взгляд Ильича, окончательно смущен, хочу спрятаться за кого-нибудь и этим вызываю дружный взрыв хохота. Ребята выручают:

— Он сегодня болен, у него 38 градусов температура, а то и он лучше выглядит.

— Ну, как идет работа?

— С работой дела обстоят хорошо.

Опять все наперебой стараемся похвалиться, чего мы, активные работники, достигли на Вхутемасе.

— Вот только сегодня, Владимир Ильич, мы на ячейке постановили, чтобы профессура перерабатывала программы

при участии студентов, а то они только говорят, а дела никакого, теперь вот дело пойдет.

Останавливаемся, ждем эффекта.

Владимир Ильич хитро-хитро поглядывает на нас.

— Вот как, ну, только сегодня?

Опять общее смущение.

— Да ведь, Владимир Ильич, очень трудно и учиться и учить учителей, а они относятся ко всему спустя рукава. Пока их обломаешь, нужно много времени, а мы вот все же кое-чего добились. Организовали общежитие исключительно силами студентов, организовали ячейку Комсомола.

— А вы-то, значит, постарше?—спрашивает Владимир Ильич.

С гордостью:

— О, мы уже в РКП. Мы и так, Владимир Ильич, идем по сравнению с другими вузами впереди, у нас теперь будет рабфак.

— Ну, а что же вы делаете в школе, должно быть, боретесь с футуристами?

Опять хором:

— Да нет, Владимир Ильич, мы сами все футуристы.

— О, вот как! Это занятно, нужно с вами поспорить,— теперь-то я не буду—этак вы меня побьете, я вот мало по этому вопросу читал, непременно почитаю, почитаю. Нужно, нужно с вами поспорить.

— Мы вам, Владимир Ильич, доставим литературу. Мы уверены, что и вы будете футуристом. Не может быть, чтобы вы были за старый гнилой хлам, тем более, что футуристы пока единственная группа, которая идет вместе с нами, все остальные уехали к Деникину.

Владимир Ильич покатывается со смеху.

— Ну, я теперь прямо боюсь с вами спорить, с вами не сладить, а вот почитаю, тогда посмотрим.

Ребята готовы назначить день и час смертельного боя. Владимир Ильич комично просит все-таки дать ему время почитать, а то он не успеет подготовиться.

— Ну, покажите, что вы делаете, небось стенную газету выпускаете?

— Как же, уже выпустили около 20 номеров.

Достаем № 1 нашего стенгаза.

Владимир Ильич нарочно долго читает лозунг Маяковского: «Мы разносчики новой веры—красоте задающей железный тон, чтоб природами хилыми не сквернили скверы, в небеса шарахаем—железо-бетон».

— Шарахаем, да ведь это, пожалуй, не по-русски, а?

Кто-то приносит мой рисунок, сделанный для сборника памяти Кропоткина. Владимир Ильич, ядовито поглядывая и на рисунок и на автора, спрашивает:

— А что же это изображает?

Я изо всех сил стараюсь доказать, что это ничего не изображает, старые художники обманывают и себя и других, что они умеют изображать—никто не умеет, а мы учимся, и нашей задачей является связать искусство с политикой, и мы непременно свяжем искусство с политикой. Владимир Ильич спокойно дает перевести дух, и маленький вопросик:

— Ну, а как же вы свяжете искусство с политикой?

Перевертывает рисунок со всех сторон, как бы отыскивая в нем эту связь.

— Да нет, Владимир Ильич, мы еще пока не умеем, но мы все-таки добьемся этого, а пока только к этому готовимся. А это есть аналитическое разложение основных элементов, чтобы научиться владеть ими...

Чувствую, что в двух словах ничего не могу рассказать. Начинаю путаться. Ленин приходит на помощь:

— Ну, тогда непременно мне нужно почитать, вот в следующий раз приду специально к вам, и поспорим.

Сидевшая рядом Надежда Константиновна заметила ему:

— Ну, что ты, Володя, все обещаешь. Ведь я тебе предлагала, а ты все откладывал. (Надо сказать, что Надежду Константиновну почти никто из нас не узнал, так как она не была похожа на свои портреты.)

Владимир Ильич начал отшучиваться, что он все-таки выберет время и почитает.

— Я недавно,—говорит,—узнал о футуристах, и то в связи с газетной полемикой, а, оказывается, Маяковский уже около года работает в Роста.

Спросил нас, как нам нравится Маяковский. Но здесь наши мнения раскололись: все наперебой начали доказывать достоинства отдельных мест из Маяковского и из «Паровозной обедни» Каменского. Кто-то даже заикнулся об имажинистах, но все на него набросились: было ясно, что имажинисты нашими симпатиями не пользуются.

Владимир Ильич обратил внимание на сокращенное название нашей школы «Вхутемас» и сразу же начал безошибочно расшифровывать сокращение. Мы были приятно удивлены и спросили Владимира Ильича, как ему нравятся советские сокращения. Владимир Ильич начал очень комично каяться

в своих грехах, что и он повинен в этом, что испортил великий, могучий русский язык тем, что сам допустил наименования «Совнарком», «ВЦИК». Мы, наоборот, взяли под свою защиту сокращения, доказывая их удобства.

Дежурный по коммуне не забыл о своих обязанностях: ужин и чай были готовы. Так как мы не отходили от Владимира Ильича, то Владимир Ильич, под предлогом осмотра коммуны, сам двинулся в общую комнату, где мы всегда обедали. Здесь мы его заставили раздеться и усадили на почетное место—единственное плетеное кресло, рядом—Надежду Константиновну и другого товарища, а сами из-за недостатка места разместились кое-как по двое на табуретках. Мы заметили, как несвободно раздевался Владимир Ильич, и спросили у него о его здоровьи после ранения. Он шуткой ответил, что ничего:—Теперь делаю рукой гимнастику,—и перевел разговор на другую тему.

Владимир Ильич отказался от ужина и попросил только чаю с хлебом. Зато мы наложили двойную порцию Надежде Константиновне и настояли, чтобы она попробовала нашего варева.

Владимир Ильич спросил, почему называемся коммуной. Мы ему объяснили, что, когда здесь было только общежитие, было много грязи, и никак не могли от нее избавиться, а теперь у нас вот какая чистота.

— Ну, это у вас чистота?

— Да вы посмотрите, Владимир Ильич, в других квартирах, там невозможно в квартиру войти. А у нас хорошо.

— Ну, а как же, кто у вас готовит, моет пол?

— Все сами в свои дежурства делаем.

— И вам приходилось мыть полы?—обращается он со смехом к девчатам.

Те ему наперебой сообщают о своей работе по хозяйству, о своих кулинарных способностях.

Наш коммунальный завхоз—П. Лямин—совсем раздобрился и решил выдать полуторные порции хлеба. Владимир Ильич подметил наши радостные восклицания по этому поводу.

— А что, всегда вы так питаетесь?—спросил он, поглядывая, как трещат наши скулы.

Мы, не поняв вопроса, отвечаем, что всегда.

— Теперь Вхутемасу дают пайки, мы их складываем и вместе варим общее кушанье, так что теперь считаем себя вполне обеспеченными. В общем, только дня три-четыре в месяц сидим без хлеба.

— Как же так?

— Да так, рассчитаем на месяц, а глядишь, в какой-нибудь день и завтрашнюю порцию съешь, так в месяц и набегает три-четыре дня. Ну, зато овощей хватает, даже остается сверх разверстки. Самое трудное, Владимир Ильич, прошло, теперь чувствуем себя великолепно.

— Ну, ничего, небось, пораньше ложитесь спать?

Опять хором:

— Нет, Владимир Ильич, часов до трех-четырех засиживаемся.

— Как так, почему же у вас не гасят электричества?

— Мы в этом отношении, Владимир Ильич, счастливчики: наш дом расположен в сети телеграфа и почтамта, куда дают электричество всю ночь.

— Вот как! Ну, это не годится, я сделаю распоряжение, чтобы вас выключили, а то ведь пока горит свет вы уже, наверно, не будете ложиться спать во-время. Плохо питаетесь, учитесь да еще долго не спите—так вы совсем растеряете свои силы—куда же вы будете годиться? Нет, так нельзя, непременно сделаю распоряжение, чтобы вас выключили. Я вот при самой срочной работе и то ложусь вовремя.

«Счастливчики» никак не ожидали такого оборота дела. Выручила нас Надежда Константиновна: она Владимиру Ильичу напомнила случаи, когда он сам зарабатывался, и нашла для нас извиняющее обстоятельство—нашу молодость.

Но Владимир Ильич не сдавался:

— Если у вас не гасить света, то вас нужно предать суду за растрату государственного имущества—ваших сил. Какие же вы будете строители? Вам прямо нужно будет сдаваться.

Мы с жаром доказываем, что не сдадимся, и даем обещание сохранить свои силы.

— Ну, что же, вы спорите, читаете Маркса, Энгельса?

— Читать-то читаем, но большей частью по специальности. Главным образом практически работаем, а по вечерам спорим.

Разговор перешел опять на литературу и театр. Мы с увлечением доказываем достоинства «Мистерии-Буфф» Маяковского и начали настаивать, чтобы Владимир Ильич непременно побывал в театре. Даем наказ Надежде Константиновне предупредить Владимира Ильича, когда пойдет «Мистерия-Буфф». Надежда Константиновна говорит, что она ему предлагала сходить, но он все был занят и отказывался.

— Ну, а как вы считаете вещи Луначарского, например, «Маги»?

Из нас в то время никто этого произведения А. В. Луначарского не читал, и мы ничего не могли ответить. Спросили мнения Ильича. Он, смеясь, ответил:

— Ну, это кому как. Я вот Маяковского несколько раз пробовал прочесть и никак больше трех строчек не мог, все засыпаю. Уж как-нибудь соберусь, заставлю себя выдержать.

— Ну, а в оперу ходите?—спросил нас Владимир Ильич.

— Там уже для нас нет ничего интересного.

— Как же так, а вот тов. Луначарский очень бьется за то, чтобы сохранить оперу.

Владимир Ильич лукаво оглядывает нас:

— Ведь вот вы сами нового ничего не указываете, как же быть?

Ребята изо всех сил стараются выкопать отдельные места из Маяковского, чтобы доказать Владимиру Ильичу, что новое есть, и затевают между собой спор—какой именно отрывок лучше. Владимир Ильич попал в точку. Мы никак не можем остановиться на чем-нибудь одном, все с яростью доказывают свое. Я делаю над собой большое усилие и залпом выпаливаю:

— Конечно, Владимир Ильич, нового еще мало, но мы учимся, будем работать, по-разному и понимаем это новое, но зато все мы единодушно против «Евгения Онегина». «Евгении Онегины» нам в зубах навязли.

Ребята дружно подхватили:

— Конечно, мы против «Евгения Онегина».

Владимир Ильич прямо покатывается со смеху.

— Вот как, вы, значит, против «Евгения Онегина»? Ну, уж мне придется тогда быть за, я ведь старый человек. А как вы считаете Некрасова?

Здесь наши мнения раскололись: кое-кто был за, кто против—в общем высказывались за то, что для нашего времени он устарел. Нам теперь нужно другое.

— Так, так, значит, вы против «Евгения Онегина».

Ему, видимо, эта «формулировка» понравилась.

— Да, Владимир Ильич, мы надеемся, что и вы с нами будете против этого нытья. Теперь для этого просто времени не хватает.

— Вот приеду в следующий раз, тогда поспорим.

Был уже третий час. Гости начали собираться уходить; Владимир Ильич опять пошутил насчет электричества.

— Ну, а вы все-таки спать-то пораньше ложитесь, а то что ж, научиться научитесь, а сил-то против «Евгения Оне-

гина» не хватит. Берегите, берегите свои силы—они пригодятся.

Когда оделись, мы все гурьбой пошли их провожать. На лестнице столпилось много народу (уж многие знали, что у нас Ленин). Товарищи из второй коммуны попросили его взглянуть, как живут во второй коммуне, но у них было полутемно—не хватало лампочек, и там только прошли, не задерживаясь.

На улицу мы решили не выходить, чтобы не создавать паники, да и Надежда Константиновна запротестовала, чтобы мы выходили на улицу неодетыми.

Взяв слово с Владимира Ильича, что он еще у нас побывает, мы пошли к себе и долго еще разговаривали о событии.

На всех нас этот вечер произвел огромное впечатление. Сразу сделать какие-либо заключения и выводы из беспорядочного разговора мы не могли.

После, припоминая все слова, сказанные Ильичем, все оттенки его интонации, все детали разговора, мы вынесли такое впечатление, что нам нужно проводить нашу учебу в самой тесной связи с политико-общественной работой. Только так должен учиться революционер. Для этого нужно работать так, чтобы наиболее экономно расходовать свои силы, наиболее усваивать опыт прошлого. Самая жестокая борьба с мещанской богемой. Нужно беречь свои силы для последнего и решительного боя.

Содержание

Стр.

Предисловие — 5

В. ЛЕНИН

Задачи союзов молодежи — 9

П. СМОРОДИН

Ленин и комсомол — 26

В. МЮНЦЕНБЕРГ

Ленин и Интернационал молодежи — 30

О. АНИКСТ

Ленин и швейцарская молодежь — 40

И. СКОРИНКО

Ленин и первые шаги Союза молодежи — 44

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

У Ильича — 46

М. ЗОРКИЙ

Ленин на III съезде РКСМ — 49

Д. ХАНИН

Ленин на трибуне комсомольского съезда — 55

Ф. ПЛЯСУНОВ

У Ильича в СТО — 59

С. СЕНЬКИН

Ленин в коммуне Вхутемаса — 64

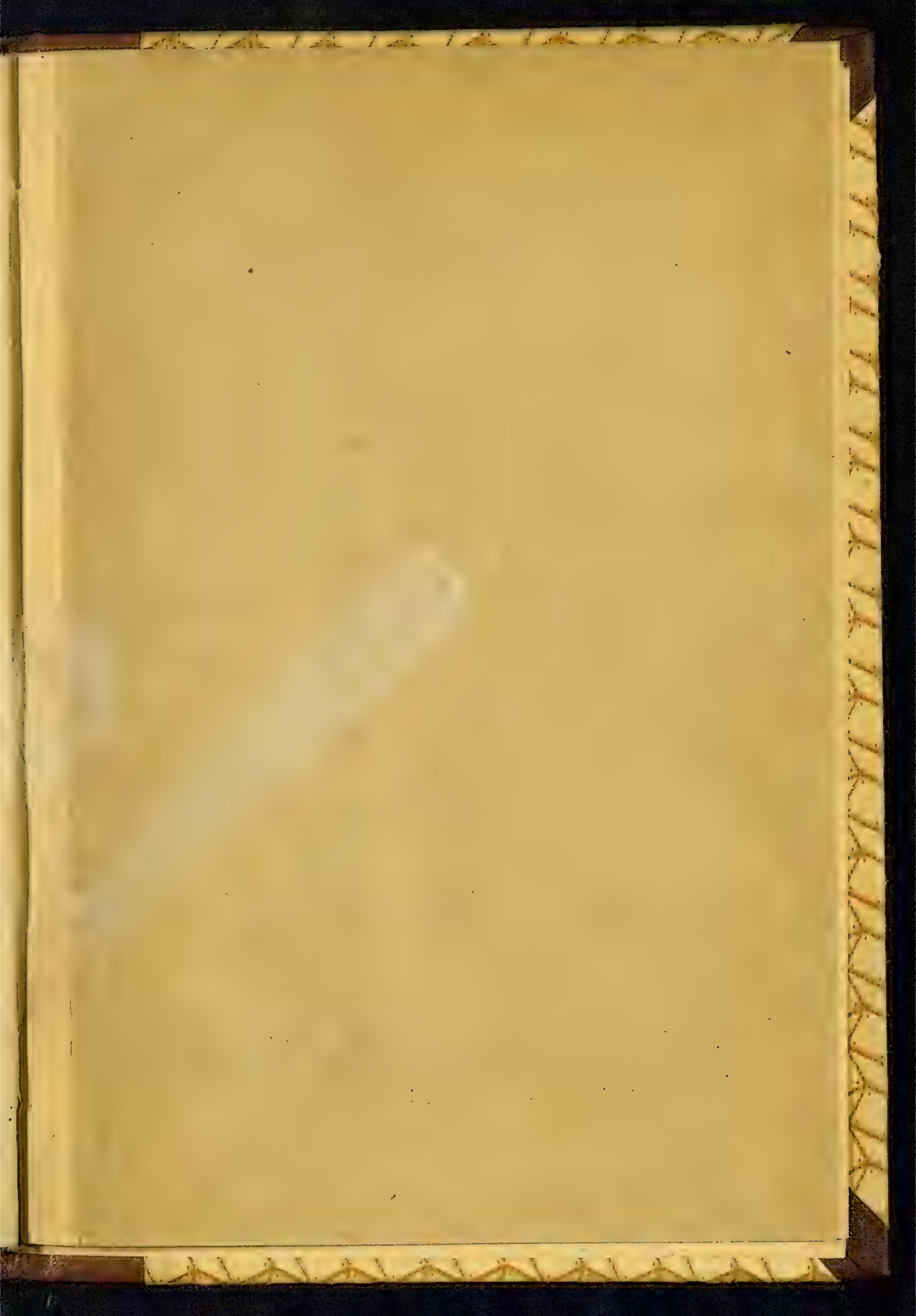
ПРИЛОЖЕНИЕ

Портрет В. Ленина 1920 г. — 7

Портрет В. Ленина 1919 г. — 27

Техредактор *М. Пиотрович*
Сдано в набор 17/X-33 г. Подписано к печати 23/X-33 г. Уполн. Главлита № Б—33574.
Партиздат № 680. формат 82x110 1/32 4 1/2 п. л. (172 064 п. зн. в 1 б. листе). 1/16 б. листа
Заказ № 7331 Тираж 75 000 экз.

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б)—Партиздата
Москва, Краснопролетарская, 16.

45 коп

